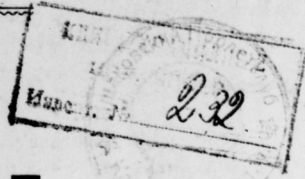

К. Франсезъ.

НЕИЗБЪЖНОЕ БУДУЩЕЕ.

Критическія замѣтки.

1917 г.

КАЗАНЬ.
Тип. Казанск. Совѣта Солд. и Раб. Дем.
1917 г.

5

Въ исключительно тяжелыхъ условіяхъ беру перо въ руки. Не то я имѣю ввиду, что сижу въ тюрьмѣ во время великой русской революціи. Правда, и это много значить. Раньше насъ въ тюрьмы заключали слуги свергнутой династіи, а теперь по ихъ стопамъ идетъ „революціонная правящая партія“, фактическій блокъ эсъ-эровъ и меньшевиковъ, т. е. мы должны числиться не прямо, а косвенно за нашими же партійными товарищами! Между дореволюціонными узниками и тѣми, за кѣмъ они „числились“, не было ничего общаго, и поэтому тогда не такъ морально-мучительно было томиться за рѣшеткой. Это надрываетъ наши духовныя силы не по днямъ, а по часамъ. Особенно въ данный моментъ, когда нашъ Кавеньякъ—ген. Корниловъ каблукомъ насильника топчетъ все, что намъ дорого! Ген. Корниловъ, выращенный на груди правящей партіи, поднялся мятежомъ на нее же, и въ этомъ исключительность обстоятельствъ. Не потому, что возстаніе Корнилова предрѣшаетъ тотъ или другой исходъ военной кампаніи въ европейскомъ масштабѣ или же даетъ возможность предвидѣть итогъ русской революціи; ни того, ни другого оно не знаменуетъ собой. Но одно несомнѣнно: это возстаніе противъ Временнаго Правительства, хотя и на дѣлѣ проводящаго въ жизнь кадетскую программу, какъ это мудрственно изрекъ на своемъ партійномъ съѣздѣ Милюковъ, означаетъ, во-первыхъ, конецъ влюбленности демократіи въ бесплодную дѣву, имя которой коалиція, во-вторыхъ, показываетъ, кто могильщикъ свободы и революціи. Иными словами: оно обрисовало со всей ясностью дѣйствительное расположеніе и устремленіе разнородныхъ силъ, борющихся на аренѣ русской революціи. Можно скорбѣть только о томъ, что нужно было дойти до *такой* степени наглядности, чтобы изжить ни на чемъ неоснованныя иллюзіи,—ни на чемъ неоснованныя, ибо вся исторія борьбы классовъ показы-

васть какъ разъ обратное; исторія не знаетъ жертвенно-благородныхъ отреченій имущихъ отъ власти и привилегій и эгоистическихъ вождельнѣй во имя справедливыхъ „притязаній“ новаго правосознанія пребывающихъ въ нищетѣ и темнотѣ; она знаетъ только безпощадное подавленіе проявленій этого новаго права, неписаннаго, но могущаго—невзирая ни на какія государственныя и общественныя интересы. Наша демократія теперь нагляднымъ способомъ преподаванія будетъ научена, что спасители отечества спасали только свое привилегированное политическое и экономическое положеніе; ихъ фразами о „государственномъ пониманіи“ переживаемыхъ событій прикрывалась только циничная радость „екатерининскаго орла“ Орлова: „миръ истощаетъ, а война обогащаетъ“... Сама бытійственная данность теперь измѣнитъ сознаніе демократіи послѣ цѣлаго ряда совершенныхъ ошибокъ. Но лучше поздно, чѣмъ никогда. Блудный сынъ вернется восвояси. И тогда онъ начнетъ думать такъ, какъ обязываетъ думать историческій моментъ и наши идеалы. Гибельно было признавать и „принять“, что „Россія для социализма еще не готова“ и отказаться отъ своей социалистической программы; это раствореніе дѣла демократіи въ бытіе, порабощеніе должнаго „завтра“ сущему „сегодня“. Между тѣмъ, вся суть въ томъ, что *должно быть*, а не въ томъ, что есть: это максима каждой партіи, преслѣдующей какую бы то ни было цѣль. Риккертъ говоритъ: *„на долженствованіи, а не на бытіи, покоится правильность сужденія“* (Fegenstand der Erkenntniss, 1904, s. 122). Поэтому и наши социалисты-министры и иже съ ними, забывшіе свой социалистическій долгъ, такъ ошибочно, разъяснили бытіе, что „прогляцѣли“ Корнилова... И такъ вся „революціонно-покоющаяся“ правящая партія!

Учиться на *своихъ* ошибкахъ тяжело; и особенно тяжело теперь, потому что такъ много предостерегающихъ голосовъ было объявлено съ легкой руки „измѣнниками дѣлу революціи“. Измѣнники!—но только не дѣлу революціи, а „отечеству“ насилія, рабства и нищеты, чтобы пріобрѣсти отечество свободы, равенства и братства. Ясность теперь созданнаго положенія налагаетъ обязанности. И демократія, въ главѣ съ революціоннымъ пролетаріа.

томъ, какъ единственнымъ общественнымъ классомъ, имѣющимъ социальныя идеалы, совершить *великую измѣну* буржуазному обществу во имя торжества неотъемлемыхъ правъ человѣка и всечеловѣческой справедливости. Буржуазія же въ своей прессѣ и въ рѣчахъ своихъ златоустовъ (правильнѣе пустозвоновъ) демократію, стремящуюся реализовать фактическое „царство свободы“, будетъ третировать, какъ „мертвого пса“. Впрочемъ, это уже и теперь мировое явленіе.

Но каждый въ правѣ спросить, на чемъ основана наша увѣренность, что наступило „начало конца“ вѣковой борьбы труда и капитала, что русская революція 1917-го года—первый актъ революціонной драмы, за завѣсомъ которой узримъ не царство необходимости, а свободы? Иначе: чѣмъ мотивированъ взглядъ крайней лѣвой социальной демократіи, что переживаемая эпоха является *переходной*, какъ у насъ принято выражаться? И сейчасъ же отмѣтимъ, что такой взглядъ имѣлъ бы мѣсто и тогда, если бы даже не вспыхнула русская революція! И такъ, на чемъ зиждется нашъ оптимизмъ?

Такой взглядъ не интуитивное пророчество, импонирующее сознанию, окрыленному моральнымъ величіемъ социалистическаго идеала. Это и не историческое предвидѣніе, обоснованное тщательнымъ изученіемъ прошлаго и подкрѣпленное явно—возможнымъ ходомъ вещей въ будущемъ; оно (предвидѣніе) не имѣетъ той *наглядности, обязывающей дѣйствовать* въ опредѣленномъ направленіи, чѣмъ характеризуется историческая среда даннаго момента.

Война такъ обострила классовыя противорѣчія, что, уже грянулъ первый ударъ грома, и жандармъ Европы, російское самодержавіе, оказался подверженнымъ во прахъ. Война такъ безцеремонно срываетъ всѣ феговыя листья, прикрывающія хищническіе аппетиты имущихъ классовъ, что „великое ослушаніе“ и возмущеніе пролетаріата *неизбѣжно*. Никакими ухищреніями не сплести оправданія этой бойни, а безъ него—оголенное государство капитала и его сопутствующихъ грязныхъ страстей, не продержится въ устойчивомъ состояніи и дня. Сбудется предвидѣніе Жюля Гедда, что капиталистическій

строй рухнетъ во время войны! „Исторія полна случаевъ, когда совершенная апатія смѣнялась внезапно бѣшенствомъ и возбужденіемъ, и наоборотъ,—и все это происходило очень часто самымъ, казалось бы, нелѣпнымъ и неожиданнымъ образомъ, неожиданнымъ даже для участниковъ драмы. Изученіе психологіи толпы, вѣроятно, съ развитіемъ своимъ, дастъ обществу массу не только матеріаловъ, но и новыя точки зрѣнія и отправныя пункты при постановкѣ прогнозовъ; статистика и другія описательныя науки, съ своей стороны, будутъ дѣлать почву для нихъ все болѣе и болѣе твердой. А до тѣхъ поръ, каждый добросовѣстный соціологъ признаетъ почти полное свое безсиліе, подавляющую ограниченность предѣловъ предвидѣнія, сводящую почти къ нулю практическое значеніе соціальныхъ предсказаній“ такъ пишетъ Е. В. Тарле въ своей статьѣ „къ вопросу о границахъ историческаго предвидѣнія“ (Очерки и характеристика изъ исторіи европейскаго общественнаго движенія въ XIX вѣкъ, 1904, стр. 143—158). И этотъ вдумчивый ученый правъ.

Но мы и не говоримъ о мотивированномъ предвидѣніи. Этого было бы недостаточно, какъ уже нами сказано, для *практическихъ дѣйствій*, для измѣненія міра. Мы также не говоримъ о причинной необходимости, ибо необходимость—предикатъ физико-химической и отчасти биологической эволюціи*). Идеаль какой-бы онъ ни былъ, научно недоказуемъ; поэтому научный социализмъ—это логическій абсурдъ. Въ идеалы вѣрятъ, къ идеаламъ стремятся. И къ нимъ приводитъ не *стихія* мертвой матеріи, а сознательная воля: они достигаются. Фр. Энгельсъ въ предисловіи къ 7-му нѣмецкому изданію „Коммунистическаго Манифеста“ пишетъ, что Марксъ *конечнаго торжества* принциповъ, выраженныхъ въ этомъ манифестѣ, ждалъ отъ *интеллектуальнаго развитія* рабочаго

---

*) См. объ этомъ трудъ В. А. Кистяковского „Соціальныя науки и право“ (стр. 128—32), гдѣ онъ довольно подробно говоритъ о категоріяхъ *возможности* и *необходимости*. Но категорія же *неизбѣжности*, не какъ фаталистическая предначертанность во времени, а какъ понятіе соціальной психологіи, ждетъ своего Коперника; и оно, понятіе неизбѣжности, вскорѣ станетъ достояніемъ научной терминологіи.

класса. Запомним это. Каутскій, анализируя совокупность факторовъ, опредѣляющихъ историческое развитие, находитъ, что экономическій факторъ переменный, а психологическій — постоянный. Нужно сказать, что *естественно-научный методъ* Каутскаго довелъ до абсурда въ историко-соціологическомъ вопросѣ. Если „психическое“ будемъ мыслить какъ понятіе біофизиологическаго порядка, то оно можетъ—и то только при извѣстной постановкѣ вопроса—оказаться факторомъ постояннымъ. Но тогда это понятіе не будетъ имѣть никакого соціального содержанія, что самое главное и что имѣлъ ввиду и Каутскій *). Это и есть сфера, мы говоримъ о психикѣ, гдѣ происходитъ *творчество* человеческого духа. Смертная и косная матерія („среда“ и „условія“) дѣлаетъ возможнымъ *творческой синтезъ* (Вундтъ), что „создаетъ нарастаніе жизненныхъ цѣнностей“ (Геффдингъ). Поэтому и Марксъ надѣялся на интеллектуальное развитіе пролетаріата, надѣялся, что оно передѣлаетъ міръ. Признать рѣшающую роль въ процессѣ ликвидаціи капиталистическаго строя за сознаниемъ, это отнюдь не значить проповѣдывать научную ересь. Уже въ своихъ тезисахъ о Л. Фейербахѣ Марксъ писалъ, что философы до сихъ поръ міръ объясняли, а дѣло заключается въ томъ, чтобы его измѣнить. Отсюда и дѣйственный призывъ: „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь“, ибо освобожденіе рабочихъ есть дѣло ихъ самихъ. Это не въ бровь, а прямо въ глаза тѣмъ нашимъ марксистамъ и марксифилюющей буржуазной печати, которые на каждомъ шагу твердили и твердятъ: „Россія для социализма еще не готова“ (слова Скобелева). Рабская, недостойная революціонера-социалиста, покорность бытію! Бытіе *всегда* готово, но только сознаніе не всегда готово исполнить свой долгъ передъ идеаломъ... На себя бы поглядѣли!

И—такъ, не объ историческомъ предвидѣніи, не о необходимости идетъ рѣчь, а о неизбѣжности, какъ слѣд-

*) Каутскій неправильно употребилъ терминъ психическій, нужно было „психологическій“. Первымъ обозначается понятіе физическое, вторымъ — соціальное. Неопозитивисты правильно считаютъ невозможной психологию безъ предварительной соціологіи.

ствіи требованія *морального долга* и неподдѣльной чело-
вѣческой совѣсти, совмѣстнаго дѣйствія всѣхъ страстей,
связанныхъ съ инстинктомъ самосохраненія. Это не по-
нятія метафизики, а самой подлинной дѣйствительности.
Исторія знаетъ эпохи, когда бытіе всецѣло какъ бы погло-
щаетъ сознаніе и господствуетъ надъ нимъ. Это такъ на-
зываемыя эпохи органическаго развитія. Но ихъ обыкно-
венно смѣняютъ эпохи *критическія*, когда все какъ будто
совершается по принципу *долженствованія*: сознаніе тогда
передѣлываетъ бытіе сообразно своимъ соціальнымъ иде-
аламъ или же только утверждаетъ себя. Все, что кажется
несправедливымъ, отмечается съ презрѣніемъ въ сторону.
Это заговорила неподдѣльная *совѣсть*. Новое правосозна-
ніе разрываетъ въ клочки вѣками установленные законы
и на ихъ мѣсто утверждаетъ себя. Господствующая идео-
логія и освященныя ею цѣнности теряютъ „рыночную
цѣну“, какъ товары, поддѣльность которыхъ установлена
и объявлена во всеуслышаніе. „Величайшаго напряженія
достигаетъ эмоція „справедливости“ тогда, когда оно
встрѣчаетъ особенно сильное сопротивленіе со стороны
старога порядка. Въ этихъ случаяхъ интуитивное право
пріобрѣтаетъ все большую силу, доходить „у все боль-
шаго числа индивидовъ до энтузіазма и фанатизма“, до-
водитъ ихъ „до фактической ненависти къ существую-
щему порядку и его представителямъ, вызываетъ въ концѣ
концовъ взрывъ, революцію“. Успѣхъ ея объясняется
тѣмъ, что на сторонѣ старога порядка, идущаго въ раз-
рѣзъ съ интуитивнымъ правомъ массъ, развивается неиз-
бѣжное „этическое гніеніе“, столь свойственное средѣ,
лишенной моральной санкціи и сознанія своего права“¹⁾.
На основаніи существующихъ имущественныхъ отноше-
ній чувство и *инстинктъ самосохраненія* не найдутъ доста-
точныхъ гарантій для того, чтобы успокоиться на мысли,
что создавшееся войной положеніе не повторится, что не
будутъ опять принесены столь дорогія жертвы кучкѣ
алчныхъ и безпечныхъ авантюристовъ—денежныхъ и про-

¹⁾ М. Г. Рейснеръ, Теорія Л. І. Петражицкаго, Марксизмъ и соціаль-
ная идеологія, 1903, стр. 94; Петражицкіѳ, Теорія права и государства въ
связи съ теоріей нравственности, II, стр. 493—94.

мышленныхъ королей. Инстинктивно массы уже отворачиваются отъ своихъ „естественныхъ вождей“. Этотъ бессмысленный кровавый пожаръ Европы произвелъ величайшую революцію въ психологіи (не только въ психикѣ) людей. Нѣтъ уголка, гдѣ не задавались бы вопросы: когда кончится война? Почему и для чего воюютъ и отрываютъ отъ домашнихъ очаговъ самыхъ лучшихъ людей? Люди, которые жили только своей личной жизнью и имѣли только частный взглядъ на жизнь. теперъ вынуждены расширить свой кругозоръ. Это повелительно диктуетъ инстинктъ самосохраненія. А на этой почвѣ вырастаетъ правосознаніе, что массы сами должны опредѣлять свою судьбу. Та же самая почва и обусловитъ ту степень интеллектуальнаго развитія, о которой говоритъ Энгельсъ, передавая мнѣніе Маркса, и которая необходима для торжества коммунистическаго принципа. Жизненные импульсы понудятъ массы къ быстрому усвоенію новыхъ идеаловъ и приемовъ дѣйствій, иначе, самообезпеченія.

✓ То, что въ органическія эпохи достигается годами, теперь возможно пріобрѣсти въ дни—недѣли¹⁾. Только критическія эпохи знаютъ такую интенсификацію духовной жизни. А что эта напряженная духовная жизнь оплодотворятся идеями социальной демократіи, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія: революціонный пролетаріатъ пропитанъ ими уже полстолѣтіе подрядъ, и только онъ является активнымъ борцомъ за осуществленіе новыхъ идеаловъ, другихъ силъ нѣтъ. Имѣя это ввиду, мы не станемъ удивляться, что даже проф. Туганъ-Барановскій въ послѣднее время выпустилъ брошюру, въ которой говоритъ о социалистической организаціи производства, какъ о фактѣ дѣйствительности недалекаго будущаго²⁾... Значитъ, мы

1) „Въ этомъ бурномъ водоворотѣ революціи, въ этихъ мукахъ историческаго волненія, въ этомъ драматическомъ приливѣ и отливѣ революціонныхъ страстей, надеждъ и разочарованій, различные классы французскаго общества переживали за недѣлю цѣлыя эпохи развитія, которыя продолжались раньше полустолѣтія“. (К. Марксъ. Классовая борьба во франціи съ 1848 г. до 1850 г., р. 62).

2) Впрочемъ, этотъ почтенный профессоръ уже въ 1906 году писалъ въ такомъ же духѣ. „Въ общемъ, никакихъ технически непреодолимыхъ трудностей введеніе социалистической организаціи хозяйства не встрѣ-

отнюдь не такі безтолковые оптимисты, что походимъ на Марцису Виктора Гумилицкаго въ разсказъ „Солдатъ“. „Гусарь игралъ только чувствительныя мелодіи. Ничего „казацкаго“ изъ-подъ его пальцевъ не выходило. Заслушавшейся Мерцисъ по временамъ казалось, что ангелы возносятъ ее на небо. Эти ангелы имѣли красныя мундиры въ обтяжку, вышитыя желтыми шнурами“. Нѣтъ, социализмъ завладѣетъ психологіей массъ не какъ незнаніе, а какъ настоящая потребность, безъ удовлетворенія которую оставить нельзя...

Про Англію начала 70-хъ годовъ Марксъ писалъ, что она совершенно готова для социализма, т. е. обладаетъ всѣми матеріальными условіями, необходимыми для его осуществленія, но, однако, социализмъ остался „невозможенъ“ вслѣдствіе отсутствія *революціонной страсти и духа обобщенія*, и это констатировалъ самъ Марксъ. Мы счастливѣе нашихъ предшественниковъ. Затянувшаяся война наполнила всю Европу страстью и ненавистью. Повсюду развивается въ массахъ глубокое желаніе міра. И какъ магометанинъ, вознося молитву Аллаху, поворачивается лицомъ въ сторону Мекки, такъ взоры европейской демократіи, какъ свидѣтельствуемъ заграничная делегація Совѣта Р. и С. Депутатовъ (тел. въ „Нов. Жизни“ отъ 30-го августа), обращены къ русской революціи. Но это желаніе міра встрѣчаетъ упорное противодѣйствіе со стороны правительствъ и дирижерствующихъ общественныхъ кликъ. Гражданскій миръ все продолжающаяся война превращаетъ въ гражданскую войну.

¶ Сама война изъ войны государствъ или народовъ мало-по-

тишь. И это нужно твердо признать и запомнить. Соціалистическій строй не есть несбыточная мечта объ утерянномъ человѣческомъ раѣ, не досужее умозрѣніе или праздная фантазія, а такой строй общественнаго хозяйства который, хотя и не можетъ быть осуществленъ немедленно во всемъ своемъ объемѣ, но уже въ настоящее время можетъ быть вполнѣ реальной цѣлью практической политики. Конечно, ни одна историческая революція, ни одинъ общественный переворотъ не можетъ даже отдаленно сравниться съ грандіозностью грядущаго социальнаго преобразованія. Поистинѣ, это будетъ новое рожденіе человѣчества въ силѣ и свободѣ“. (Современный социализмъ etc, 258). Пусть запомнятъ эти слова не-марксиста наши марксисты ала Скобелевъ, Церетелли, Либеръ и Сотр.!

малу превращается въ войну неимущихъ противъ имущихъ правящихъ классовъ. Взоры массъ покидаютъ полосу смерти и устремляются на „отвѣтственныхъ политиковъ“. Рѣчи послѣднихъ привлекаютъ больше вниманіе, чѣмъ катастрофическіе прорывы фронта. Проблема власти приобретаетъ доминирующее значеніе. Не отъ измѣненій линіи фронта стратегическаго, а отъ перемѣнъ кабинетовъ массы ожидаютъ исполненія своихъ желаній мира. И ясно: когда всѣ комбинаціи „отвѣтственныхъ“ политическихъ группъ не дасть реального удовлетворенія, тогда наступитъ диктатура „безотвѣтственныхъ“ силъ, правильно говоря: отвѣтственныхъ передъ идеаломъ. Таковой отвѣтственностью пропитана социальная работа только одного класса—пролетаріата, который будетъ готовъ и небо штурмовать!

133

Передъ бурей...

Передъ бурей наступаетъ тишь; и только относительная. И почти передъ каждымъ общественнымъ сотрясеніемъ переживается полоса спокойствія. Великая французская революція 1789 г. явилась чудомъ въ такой же степени, какъ русская революція 1917 года. 1848 годъ въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія. Во франціи старый дилижансъ въ концѣ 80-хъ годовъ 18-го столѣтія катился мирно впередъ по мостовой исторіи; нужны были кой-какія починки, но, по свидѣтельству самого Тюрго, незначительныя. А вдругъ, ни съ того ни съ сего, пришлось весь дилижансъ со всѣмъ экипажемъ сдать въ архивъ исторіи. Правда, были „безумно бредящіе“ бездѣльники, которые занимались философіей и строили воздушные замки. Но развѣ обладающимъ всею полною власти приличествуетъ обращать на нихъ вниманіе! И что же: вершителі судьбы государства „ошиблись“—*не дооцнили „ослушныхъ“ силъ*. И такъ всегда: кануны всѣхъ предшествующихъ революцій отличались этимъ „легкомысліемъ“ находящихся у государственнаго руля.

Е. Тарле свои уже цитированные „Очерки и характеристики“ начинаетъ такъ: „Въ послѣднюю половину XIX-го столѣтія въ направленіи западно-европейской общественной мысли совершился переворотъ, истинное значеніе котораго начинаетъ обнаруживаться лишь теперь; этотъ переворотъ наложилъ совершенно явственный отпечатокъ на всю умственную жизнь европейскаго общества. Подобно всякому сложному и широко развѣтленному явленію, онъ не поддается ни широкимъ опредѣленіямъ, ни коротенькимъ кличкамъ; наиболѣе характернымъ признакомъ его является—*упадокъ революціонизма*. Не рискуя впасть въ ошибку, можно утверждать, что вся

исторія истекшаго пятидесятилѣтія заключалась въ постепенномъ исчезновеніи революціонныхъ тенденцій и чувствъ изъ умственнаго и моральнаго обихода западно-европейскаго общества, и что коренныя явленія соціальной и политической эволюціи тѣсно переплетались съ этимъ основнымъ руководящимъ мотивомъ, то обусловливая его, то, въ гораздо слабѣйшей степени, сами имъ обусловливаясь“ (Op. cit., p. 1. Разрядка наша). Почему это такъ? И историкъ Тарле, соціологически интерпретируя фактъ, отвѣчаетъ: „Громадное, неслыханное развитіе промышленности позволяло отчасти (?) капиталистамъ мириться и съ укороченіемъ рабочаго дня, и съ повышеніемъ заработной платы, и съ обязательными страхованіями, а упрочившіеся новые политическіе порядки, съ участіемъ рабочихъ въ парламентъ, давали этому толчокъ. Положеніе рабочаго класса во всѣхъ промышленныхъ странахъ зап. Европы улучшилось, и обнаружилась даже небывалая раньше тенденція: извѣстная часть рабочаго класса, ставя въ зависимость развитіе собственнаго благосостоянія отъ захвата государствомъ внѣшнихъ рынковъ, сблизилась съ промышленной буржуазіей какъ разъ въ области самыхъ существенныхъ вопросовъ; увлеченіе милитаризмомъ, маринизмомъ и колониальными успѣхами несомнѣнно коснулось уже и англійскаго, и нѣмецкаго, и французскаго рабочаго въ нѣкоторыхъ промыслахъ. Такимъ образомъ, если рабочій классъ въ его значительной части пересталъ быть революціоннымъ *за страхъ*, то часть этого класса перестала быть революціонной и *за страхъ*, и *за совесть*“ (Op. cit. 51—52).

Значить, все обстоитъ такъ, какъ желательно великимъ міра сего. Старый дилижансъ можетъ безъ тревоженій продолжать свой путь. Рабочіе увлечены успѣхами имперіалистической политики и восхищаются великой мощью „своихъ“ державъ. Удара и неожиданностей неоткуда ожидать! Но діагнозъ Тарле въ корнѣ неправиленъ. *Отсутствіе драматическихъхъ внѣшнихъ выявленій революціонной потенціальной энергіи отнюдь не означало и не означаетъ, что исчезли революціонныя тенденціи и чувства.* Армія пролетаріата, готовящаяся къ „последнему и

рѣшительному бою“ съ „позорной властью капитала“, не похожа на тѣ „волнующіяся массы“ людей, которыя совершали буржуазныя революціи, т. е. дали возможность „третьему сословію“ ликвидировать феодальную власть. Эта армія, преслѣдую конечную свою цѣль—перестройку всѣхъ имущественныхъ и производственныхъ отношеній, должна была, сообразуясь съ новой міровой и соціальной обстановкой, выработать и свои стратегію и тактику. Уже Энгельсъ категорически высказался, что прошло время инсurreкціонныхъ выступленій и баррикадъ и что измѣнившаяся среда повелительно требуетъ отбросить старыя приемы борьбы и выработать новыя. Чѣмъ ближе пролетаріатъ подходитъ къ соціалистическому идеалу, тѣмъ больше борьба перемѣщается изъ области политической въ область экономическую. Та борьба, которая происходитъ въ сферѣ хозяйственныхъ отношеній, не всегда рябитъ политическую „поверхность“. Эта послѣдняя, въ формѣ такъ именуемаго правового государства, достаточно эластична и оставляетъ достаточно простора для борьбы эксплуатируемыхъ съ эксплуататорами, и эта борьба имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ встряска, производимыя недисциплинированными партизанами. Поэтому-то мы резолюціи, принятыя организованными рабочими „въ Сень-Галленѣ, въ Эрфуртѣ, въ Штутгардѣ“, не считаемъ „стереотипными фразами, мертвыми, сѣрыми, холодными“ (Тарле, *op. cit.*, p. 52). Въ нихъ проглядываетъ обвѣянная великой цѣлью соціальная мудрость. Эту новую форму соціалистическаго движенія наканунѣ окончательнаго боя учли и нѣкоторые ученые съ міровымъ именемъ. Такъ, напримѣръ, историкъ Лависсъ въ началѣ 1910 года во французской академіи произнесъ слѣдующія, полныя тревоги, слова: „Демократія, для которой *насталъ часъ*, не примиряется съ порядкомъ, который не для нея былъ сдѣланъ, и гдѣ приняты даже большія предосторожности противъ нея. Она ищетъ порядка, который ей подходитъ, совсѣмъ какъ дѣлали ея предшественники, король и буржуазія. Но тогда какъ идеаль монархіи ясенъ и взгляды и интересы господствующаго класса находятъ удовлетвореніе въ нѣсколькихъ строкахъ, занесенныхъ

въ хартію,—демократія починається съ огромной сумятицы инстинктвъ, страстей и идей. Она не знаетъ и не можетъ знать навѣрняка, чего хочетъ, и никто не въ состояніи предложить ея неяснымъ стремленіямъ планъ будущаго государства. Стѣсненная, раздраженная учрежденіями, законами и обычаями, она нападаетъ на всѣ устои нынѣшняго государства; и все колеблется и кажется приближающимся къ крушенію“. Насталъ часъ демократіи, и „огромная сумятица инстинктвъ, страстей и идей“, но все-таки нѣтъ политическаго *дѣйствія* въ старомъ смыслѣ этого слова. Дѣйствіе влечетъ за собой непосредственную отвѣтственность и реакцію противодѣйствующихъ силъ. При всемъ этомъ не слѣдуетъ выпускать изъ виду, что пролетаріатъ уже имѣетъ *свое отечество* внутри буржуазнаго „отечества-государства“; онъ сдѣлалъ уже не одинъ шагъ по пути конституированія себя въ націю: имѣетъ свои организациі, печать, литературу, искусство и пр., пр., гдѣ „дышится груди вольнѣй“. Такъ что, у пролетаріата уже есть, что можетъ онъ потерять, играя безразсудно *va-banque* и не учитывая должнымъ образомъ соотношеніе силъ—своихъ и врага. Само собой понятно, что это не даетъ ни малѣйшаго повода говорить объ упадкѣ революціонизма, понимаемаго не вульгарно. Послѣдняя четверть 19 го вѣка и начало 20-го вѣка—это *подготовительная стадія*, собирающая силы пролетаріата и уясняющая цѣли и средства.

Еще менѣе состоятельно утвержденіе г. Тарле, что „извѣстная часть рабочаго класса“ ставитъ или ставила улучшеніе своего положенія въ связь съ преуспеваніемъ буржуазіи на внѣшнихъ рынкахъ. Этого даже Максъ Шиппель не проповѣдывалъ въ своихъ „Grundzüge der Handelspolitik“. Шиппель говорилъ не о благосостояніи рабочихъ, а объ ускореніи развитія капиталистическаго накопленія: это квинтъ-эссенція его мыслей. Быть можетъ кто-нибудь надѣялся на чудодѣйственную силу крошекъ съ господскаго стола, но идеологическаго выраженія это не получило. Во всякомъ случаѣ, сомнительно само существованіе такихъ настроеній, какъ явленія соціальной значимости. Несоразмѣрныя увеличеніе богатствъ и кон-

солидація могутства враждебныхъ сторонъ можетъ вызвать только чувство зависти. Несомнѣнно, что растетъ социальная нищета—т. е. „несоотвѣтствіе между запросами рабочаго человѣка и возможностью удовлетворить этимъ запросамъ“. И неумолимѣ всякихъ субъективныхъ желаній все же объективный міръ вещей: „соціальныя актагонизмы въ нѣдрахъ современнаго общества не сглаживаются, а растутъ“... (см. М. Туганъ-Барановскій—Современный социализмъ въ своемъ историческомъ развитіи, 1906 г. фр. 93—102). А при такихъ обстоятельствахъ говорить объ упадкѣ революціоннаго духа значитъ поддаваться оптическому обману: кажущееся принимается за дѣйствительно сущее.

Въ это время, во время политическаго затишья, происходитъ углубленное самоуясненіе и самокритика социалистическихъ доктринъ. Особенно ученіе Карла Маркса о борьбѣ классовъ и крушеніи капиталистическаго строя и о роли пролетаріата, подъ влияніемъ кантіанства, претерпѣваетъ значительное измѣненіе: изъ теоріи развитія капиталистическаго общества въ цѣломъ, теоріи, не безъ основанія уличаемой въ фатализмъ, оно превращается въ дѣйственную „философію борьбы“. Если въ началѣ своего распространенія марксизмъ обращалъ главное вниманіе на объективное состояніе общественнаго бытія, то въ послѣдствіи все больше и больше доминирующее мѣсто въ комплектѣ его идей занимаютъ вопросы сознанія и становленія, проблемы свободнаго стремленія къ цѣлямъ и должествованія.

Этотъ идеологическій сдвигъ не стоитъ обособленно отъ историческаго процесса въ цѣломъ. Его корни уходятъ глубоко въ социальную психологію. Если „первоначальное накопленіе“ капитала въ Зап. Европѣ вызвало къ жизни „утопизмъ“, пропитанный этицизмомъ, то въ прямую зависимость отъ „современной фазы капитализма“—„безличнаго“ или „фондоваго“ капитализма и имперіализма—приходится ставить и нѣкоторыя современныя идеологическія напластованія. Бѣшенная погоня капиталистовъ и ихъ „конторъ“—правительствъ¹⁾ за новыми рынками и

¹⁾ Одинъ депутатъ французскаго парламента въ разговорѣ съ Анатолеми Франсомъ патетически воскликнулъ: „Наше морское министерство на

„сферами вліянія“ и ихъ насилія надъ „некультурными народами“ естественно начало будить совѣсть „внѣ-классовой интеллигенціи“. Тамъ-и-сямъ раздавались протестующіе голоса. „Когда вглядываешься въ подвиги государствъ, именующихъ себя носителями цивилизації, по отношенію къ новому собрату, вступающему на путь свободного политическаго развитія, то начинаешь понимать, какъ одинъ французскій „антипатріотъ“ могъ писать по адресу жертвъ французской же колоніальной политики: „добрые друзья, марокканцы! соберите все ваше мужество, весь вашъ героизмъ, котораго у васъ, къ сожалѣнію, больше, чѣмъ усовершенствованныхъ пушекъ и ружей, и бейте, бейте изо всей силы моихъ милыхъ соотечественниковъ, тѣхъ самыхъ доблестныхъ патріотовъ, которые тридцать пять лѣтъ уже вопятъ объ отнятыхъ у нихъ Эльзасъ и Лотарингіи, а сами расправляются съ вами тысячу разъ хуже, чѣмъ когда-то нѣмцы съ нами... И да почіетъ благословеніе Аллаха на васъ, доблестные враги моего звѣринаго отечества! Аминь!“... Это плоды такъ называемой „усиленной національной политики“, политики капиталистическаго паропусканія. Оказалось, что она, такъ рекомендуемая фонъ-Бюловымъ (см. его „Державную Германію“) и нашимъ ген.-ад. Куропаткинымъ (см. „Задачи русской арміи“, 3 т.т.)—орудіе обоюдоострое. Увлекая нѣкоторую часть *мѣщанства*, (не рабочихъ нѣкоторыхъ промысловъ, какъ утверждаетъ Тарле), она возстанавливаетъ противъ себя сознательный пролетаріатъ, который началъ вести систематическую борьбу противъ милитаризма и маринизма и колоніальной политики. Но „безличный капитализмъ“—синдикаты и трэсты, возглавляемые банками, осуществляющими „концентраціонный принципъ“ современнаго экономическаго развитія—вліялъ и въ дру-

---

ходится не на гие Royale въ Парижѣ, а на заводѣ Шнейдера, въ Крезо!“... Военная и желѣзная индустрія, монополизируя все средства защиты „отечества“, диктуетъ свою волю королямъ и президентамъ. Кого интересуетъ роль желѣзной промышленности въ международныхъ отношеніяхъ, тотъ съ пользой прочтетъ книгу М. Павловича: „Великіе желѣзнодорожные и морскіе пути будущаго“. Въ этой книгѣ освѣщены все основныя вопросы международной политики.

гомъ направленіи. Когда вся поверхность земного шара оказалась раздѣленной между имперіалистическими акулами, когда нечего было приобрести, расширяясь во внѣ, тогда началось „осѣданіе капитализма на мѣстѣ“, т. е. его привлекли проблемы внутренней экономической политики. И что же! Въ періодъ, когда какъ-будто бы язвы капиталистическаго строя—„анархія“, кризисы—внутренно имъ же изжиты¹⁾, онъ не пошелъ по пути увеличенія емкости внутренняго рынка, покупательной силы массоваго потребителя, а всталъ на путь старой системы выжиманія пота, уснащенной вылазками противъ свободы экономической борьбы, особенно свободы стачекъ и забастовокъ.²⁾ Понятно, что это накопляло въ рабочихъ массахъ скрытое и явное недовольство и нравственное возмущеніе. Это на всѣ лады „трактуется“ въ пролетарской беллетристикѣ. И этотъ нравственный феноменъ, то-и-дѣло переходя въ опредѣленныя формы правосознанія, сыграетъ крайне революціонную роль. Ибо и при социалистической революціи немислимо, что массы будутъ руководствоваться принципами возможно большаго рационализированія производства хозяйственныхъ благъ: ихъ будутъ двигать нравственное возмущеніе противъ гниющаго общества“ и фантомъ счастья, или же какой-нибудь конкретно-исторической „случай“... Рационализація придетъ сама собой.

Мы обрисовали тотъ базисъ, на которомъ могъ произойти выше отмѣченный идеологическій сдвигъ. Но, кро-

---

1) „Помимо значенія концентраціи банковъ въ смыслѣ распредѣленія рисковъ, это новѣйшее явленіе можетъ имѣть и отчасти уже проявляетъ еще другое, несравненно болѣе важное вліяніе на нормальное теченіе народнаго хозяйства. Мы имѣемъ въ виду *вліяніе концентраціи банковъ на смягченіе характера кризисовъ, вызванныхъ перепроизводствомъ товаровъ*“ (см. Е. Эпштейнъ — Депозитные банки и ихъ вліяніе въ народномъ хозяйствѣ, „Русск. Мысль“, 2. 1909 г.). А проф. Каблуковъ въ одной изъ своихъ лекцій въ Конст. Межевомъ Институтѣ прямо заявилъ, что кризисы—явленія прошлаго... Тенденція имъ отмѣчена правильно.

2) „До сихъ поръ промышленная буржуазія была мирно настроена и шла на уступки рабочимъ. Современный же капитализмъ (финансовый) склоненъ къ насилію“... Такъ Сорель передаетъ взглядъ Каужекаго (см. Соціальные очерки современной экономіи, стр. 323, 1908).

мѣ „революціи въ сердцахъ и головахъ“, „безличный капитализмъ“ и объективно облегчилъ работу революціонеровъ-соціалистовъ. Уже мы вскользь отмѣтили тотъ фактъ новѣйшей хозяйственной фармаціи, что банки въ народномъ хозяйствѣ стали играть дирижерствующую роль, что они, сами концентрируясь, завладѣваютъ всѣми главными отряслами индустріальнаго производства. И существуетъ въ наукѣ распространенное мнѣніе, что наблюдаемый теперь процессъ аккумуляціи капиталовъ и канцентраціи банковъ есть прямой путь, ведущій къ осуществленію соціалистическаго государства“ (Эпштейнъ, цитир. ст.) Такъ, между прочимъ, и Рудольфъ Гильфердингъ въ своемъ „Финансовомъ капиталѣ“, появившемся въ 1910 году, пишетъ: „финансовый капиталъ приводитъ распоряженіе общественнымъ производствомъ все болѣе въ руки незначительнаго числа крупныхъ ассоціаций капитала... Финансовый капиталъ по своей тенденціи означаетъ установленіе общественнаго контроля надъ производствомъ. Но это обобществленіе на антагонистическихъ началахъ: господство надъ общественнымъ производствомъ остается въ рукахъ олигархіи... Обобществляющая функція финансоваго капитала облегчаетъ необыкновенно преодоленіе капитализма. Лишь только финансовый капиталъ подчинить своему контролю важнѣйшія отрасли производства, достаточно, если общество черезъ свой сознательный исполнительный органъ, завоеванную пролетаріатомъ государственную власть, овладѣетъ финансовымъ капиталомъ, чтобы взять немедленно въ свои руки распоряженіе важнѣйшими отряслами производства. Отъ этихъ отраслей зависятъ всѣ другія, а господство надъ крупной индустріей означаетъ, такимъ образомъ, самый дѣйствительный общественный контроль, даже безъ дальнѣйшаго непосредственнаго обобществленія“ (нѣм. изд. 1910 г., ss. 472—3, см. ст. г. Финна-Енотаевскаго — Современный капитализмъ, „Совр. Міръ“, 1913 г.) Эти выводы ученаго экономиста понятны „безъ всякихъ комментариевъ. Но слѣдуетъ все-таки вниманіе обратить на послѣднюю процитированную фразу: „безъ дальнѣйшаго непосредственнаго обобществленія“ можно собаку перешагнуть, т. е. можно крупными предпріятіями главныхъ

отраслей производства завладѣть, а потомъ постепенно „ввести социализмъ“, по рецепту „реформистовъ“, и въ другихъ, второстепенныхъ и мелкихъ, отрасляхъ и предпріятіяхъ. Зная это, мы можемъ дать должную оцѣнку и тѣмъ воплямъ объ „анархизаціи“ и предостереженіямъ о незрѣлости Россіи для социализма, которыя насытили атмосферу русской революціи. Прежде всего, они интерпретировали марксизмъ, какъ теорію фаталистическую, а потомъ „марксизировали“ дѣйствительность, т. е. „узаконили“ неприкосновенность священной частной собственности и военныхъ сверхъ-прибылей. Или, быть можетъ, это только демагогія (буквально: запугиваніе, что демократія не справится съ задачами по организациіи хозяйства) „парламентскихъ“ котерій, польщенныхъ лестью буржуазныхъ златоустовъ? И то, и другое. Но какъ бы то ни было, съ точки зрѣнія социалистической политики, или, просто, практической политики, „бредовыя рѣчи“ Ленина проводили несравненно болѣе реалистическіе принципы, чѣмъ „заувѣренія“ и „уговариванія“ Плеханова.

Какъ мы видимъ, наканунѣ великаго мірового пожара социалистъ не могъ быть пессимистомъ: историческая дѣйствительность все усиливала шансы на близкое осуществленіе идеала. Объективныя, матеріальныя условія созрѣли. Осталось дерзнуть „внутреннему врагу“.

Русская революція.

Дальше некуда было идти! Страна изнемогала, а правительство Николая II преступно бездѣйствовало. Оно дошло до того, что всѣмъ стало ясно, что такъ дальше жить нельзя. И когда на совершенно невинное требованіе думскаго „прогрессивнаго блока“ дать министерство „народнаго“ довѣрія (даже не отвѣтственное передъ думой) послѣдовалъ 25-го февраля роспускъ „парламента“, судьба династіи Романова была рѣшена: когда петербургскіе рабочіе и солдаты заарестовали ея министровъ, когда „взяли въ плѣнъ“ самого царя-самодержца, страна облегченно вздохнула, и не было силы, которая выступила бы въ защиту гибнущаго величія! При яркомъ свѣтѣ революціи всѣ гады и „темныя силы“ куда-то попрятались, сдали позиціи безъ боя, выражаясь на языкѣ военного времени, можно сказать,—дезертирствовали. Несмотря на всѣ „хитрыя“ акты „отреченій“ (для младенца Алексѣя, съ цѣлью черезъ посредство плебисцита узнать волю народа, облеченіе „всей полнотой власти“ Временнаго Правительства), которые полны скрытыхъ надеждъ, высшая власть вся перешла вскорѣ въ руки народа—въ лицѣ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ депутатовъ. Временное Правительство, образованное временнымъ комитетомъ 3-е іюньской думы, хотя и съ согласія рабочихъ, было только властью номинальной. Совѣтъ контролировалъ и направлялъ его дѣятельность, несмотря на демагогическіе вопли со стороны цензовой Россіи о „двоевластіи“. По логикѣ самой революціи, власть должна перейти къ тѣмъ, кто устранили старыхъ властителей; она должна до „учредительнаго собранія“ находится въ рукахъ народа—солдатъ, рабочихъ и крестьянъ. Никто другой не имѣетъ никакого права претендовать на постъ временнаго хозяина земли русской.

О дворянствѣ нечего говорить; оно отсутствуетъ на аренѣ русской революціи, какъ открытая реальная сила; оно, какъ сословіе, до мозга костей пропитанное частнымъ пониманіемъ жизни, никогда и не могло подняться даже въ понятіи до общегосударственной точки зрѣнія (см. хотя бы полемику Н. Михайловскаго съ „Гражданиномъ“). И во время войны, когда на всѣхъ перекресткахъ тромбонили о жертвенности и отрѣшенности, преслѣдовало только свои частные интересы! Наши торгово-промышленные круги—купцы, фабриканты, заводчики, банкиры—не многимъ лучше дворянства. Ихъ опекали Романовы, какъ родныхъ дѣтей, собирали въ „единую храмину“; „не гнѣвать, а приласкать“ приказывала Екатерина II—и такъ на протяженіе всей исторіи. Разумѣется, такое положеніе не могло развить духа инициативы, и его наша буржуазія и не проявляла ни въ политической, ни даже въ хозяйственной сферѣ. Государство играло у насъ роль „и отца, и акушера“ въ эпоху первоначальнаго накопленія, а позже, защищая сонъ ея прекрасный отъ прохладныхъ вѣтровъ, оградила ее почти запретительнымъ частоколомъ (таможенной стѣной). Политика думскаго „прогрессивнаго блока“ ясно показываетъ, что наша буржуазія не имѣла ни капли крови, искренно жаждущей положить конецъ царскому произволу. Кадеты какъ-будто позабыли всѣ свои профессорскія познанія въ области права, когда требовали „министерства народнаго довѣрія“ и когда и во время революціи кричали о полномъ довѣрїи Временному Правительству. Съ точки зрѣнія юридической, такое требованіе не можетъ быть оправдано, а съ политической—оно просто глупо. „Новая власть сильна именно тѣмъ, что она, прямо или косвенно, опирается на народное довѣріе..., а довѣріе невозможно тамъ, гдѣ нѣтъ дѣйствительной отвѣтственности: въ организациі ея лежитъ ключъ къ пониманію современнаго правового государства“ (С. А. Котляревскій—Правовое государство и внѣшняя политика, стр. 425). Это поистинѣ азбучная истина „государственнаго пониманія“. Когда произошло первое столкновеніе между революціонной демократіей и Временнымъ Правительствомъ (20—21-го апрѣля), я въ Казанскомъ Совѣтѣ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ указалъ, что

безсмысленно выражать довѣріе, а нужно требовать установленія отвѣтственности временной власти, чтобы не могли имѣть мѣсто печальные инциденты. Потомъ на Създѣ Совѣтовъ объ этомъ заговорилъ Луначарскій, что было объявлено абсурдомъ, ибо, спрашивали: какъ возможно отвѣтственное правительство безъ установленной учредительнымъ собраніемъ конституціи! Возможно, ибо и каждая конституція въ конечномъ итогѣ представляетъ собою реальное соотношеніе силъ въ государствѣ, а такое соотношение существуетъ во всякое время. Мы отклонились нѣсколько отъ темы о роли буржуазіи. Дѣло въ томъ, что во всемъ этомъ проглядываетъ *негосударственный взглядъ* кадетовъ на государственныя дѣла.

Кадеты, ни по праву революціи, ни по своимъ „историческимъ заслугамъ“, не могутъ обладать властью. Остаются тѣ, кто совершали революцію—рабочіе и крестьяне, и тѣ, и другіе въ сѣрыхъ шинеляхъ солдатъ.

Они добыли свободу, они отвѣтственны за нее; они должны править, осуществляя принципъ народовлестія. Всякія же домогательства цензовыхъ элементовъ—это вызовъ революціи и демократіи. Развѣ нужны другія доказательства негосударственности кадетъ, кромѣ повышения цѣнъ на военныя поставки въ то время, когда они сами призывали страну къ жертвамъ! Ихъ антигосударственныя требованія ставятъ въ неловкое положеніе даже буржуазныхъ же ихъ коллегъ изъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“. Такъ, Брусиловскій недоумѣвалъ, какъ могутъ кадеты въ нашихъ условіяхъ не соглашаться съ декларацией 8-го іюля, большинство требованій которой уже давно проведены въ жизнь германскими юнкерами, а также во Франціи и Англии. Поэтому понятно, что первому Временному Правительству, а также и второму, въ которомъ засѣдало уже шесть министровъ—соціалистовъ—довѣрять нельзя было, даже формула „поскольку—постольку“ была неумѣстна. Хотя и была установлена Совѣтомъ отвѣтственность передъ нимъ соціалистовъ-министровъ, это положенія не спасло; *эта частичная, дробная отвѣтственность Временнаго Правительства на дѣлѣ оказалась только проводникомъ буржуазнаго вліянія на Совѣтъ*: министры постоянно уговаривали, что „иначе нельзя“, что страну спа-

сеть только ихъ политика. И до того Совѣтъ „образумился“, что даже послѣ деклараціи 8-го іюля Временное Правительство безпрепятственно проводило кадетскую программу. Не будемъ говорить о персональномъ составѣ Временныхъ Правительствъ; тогда въ немъ мѣста, изъ за приличія, нельзя было давать Гучкову, хвалителю умирителя Дубасова. Не это важно. Важно то, что въ моментъ, когда нужны самыя рѣшительныя и быстрыя дѣйствія, „выдумали“ *коалиціонное министерство*. Опять кадеты изъ-за личныхъ расчетовъ забыли исторію конституціонной практики. „Кабинетъ долженъ быть *однороднымъ*, такъ какъ онъ дѣйствуетъ какъ одно цѣлое, рѣшая въ Совѣтѣ правительственные акты. Нужно чтобы между его членами существовало *единство взглядовъ*, дабы онъ могъ придать правительству твердое и увѣренное направленіе“ (см. проф. Эсменъ—Общія основанія конституціоннаго права, 1909 г., стр. 105), и чтобы не создалось положеніе, какое рисуетъ Крыловъ въ баснѣ „Лебедь, щука и ракъ“.

Принципъ каждой революціи: „куй желѣзо, пока горячо“, а не „тише ѣдешь, дальше будешь“, т. е. не откладываніе вопросовъ въ долгій ящикъ, а ихъ быстрое разрѣшеніе. На каждомъ шагу мы имѣемъ возможность убѣждаться, что спасительныѣ для общественнаго цѣлаго не длительные кризисы, а ихъ разряженіе, хотя бы даже и неправильное. Съ охлажденіемъ революціи все непосильныѣ становится разрѣшеніе основныхъ вопросовъ. И отсюда лозунгъ имущихъ классовъ: „ничего не тронуть до учредительнаго собранія“. Это очень не глупо съ ихъ точки зрѣнія, ибо на основаніи старыхъ соціальныхъ и экономическихъ отношеній, старой „базы“, имъ легче создать контръ-революцію.

Зачѣмъ кадетамъ нужна была коалиціонная власть? *Чтобы провести на дѣль*, хотя бы подъ чужимъ флагомъ, свою точку зрѣнія, что имъ и удалось. Кадеты-дѣльцы, а не фразеры, каковыми себя зарекомендовали революціонные котеріи—Керенскій, Церетелли, Скобелевъ и Сотр. Ни одна революція не знаетъ такихъ мощныхъ организацій, какъ наши Совѣты, и только, заручаясь ихъ одобреніемъ и содѣйствіемъ, и мыслимо управлять. Они три мѣсяца были всесильны (апрѣль, май, іюнь). И все-таки

они пошли на союзъ съ первыхъ же минутъ революціи съ контръ-революціонной буржуазіей.

Съ первыхъ же шаговъ революціи она что-то бормотала о регенствѣ Михаила и будущемъ царствованіи младенца Алексѣя ¹⁾. „Реставрировать“ психологически романовскую династію пытается В. Маклаковъ; будто въ нашихъ свободахъ запечатлѣны и заслуги Романовыхъ! И только потому кадеты изъ программы своей вычеркнули монархію, что иначе слишкомъ ясенъ былъ бы для народа ихъ контръ-революціонный обликъ. Но контръ-революціонность буржуазіи не только въ ея симпатіяхъ къ своимъ бывшимъ опекунамъ изъ свергнутой династіи. Кстати, она никогда не была революціонной *in concreto*. Всегда революціонны были только крестьянство и рабочій классъ, которыя никогда не могутъ и не должны удовлетвориться, завоевавъ „птичью“ политическую свободу: политическую революцію они должны—это диктуетъ ихъ бѣдственное положеніе—углублять въ социальную, а это и обуславливаетъ контро-революціонность имущихъ классовъ—буржуазіи и дворянства. Совѣты р., с. и крестьянскихъ депутатовъ, имѣя въ своихъ рукахъ всю власть и всѣ силы, все-таки поддались „внушенію“ и дали буржуазному министерству даже неограниченныя полномочія, т. е. на время сами себя убили. Это—безпримѣрное въ исторіи „отчужденіе“ власти демократіей для буржуазіи. И это—не почетная координація силъ, а самая постыдная субординація интересовъ неимущихъ благоусмотрѣнію ихъ господъ и работодателей. Разумѣется, что такое „братаніе“ „революціонной“ демократіи, въ лицѣ ея правящихъ партій, совѣтскаго большинства, эсъ-эровъ и соц.-дем. мень-

1) „Война необходима, чтобы э о дитя царствовало“. Эти слова принадлежатъ императрицѣ Евгеніи. Она ихъ произнесла въ моментъ колебанія Наполеона III, объявлять ли войну Германіи, или нѣтъ,—указывая на маленькаго сына Louis. Таковъ же скрытый смыслъ кадетской формулы: „война до побѣды“. Война убила монархію, можетъ убить и республику. Война—это самое „неестественное“ состояніе общества для внутреннего его устройства. Вошь въ 1904 году на амстердамскомъ конгрессѣ напомнилъ, что „побѣдоносная война“ можетъ дать только побѣдоноснаго генерала à la Корниловъ и Калединъ,

шеви́ковъ, съ контръ-революціонной буржуазіей демократіи и революціи ничего положительнаго дать не могло. Даже явная неспособность коалиціоннаго министерства, разрѣшить самыя насущныя вопросы внутренней политики не раскрыла глазъ у демократіи; иллюзія, что можно впрячь въ одну колесницу и волка, и овечку, не изжита даже послѣ Корниловскаго мятежа, о чемъ свидѣтельствуетъ воззваніе петербургскихъ меньшевиковъ, что единственное спасеніе—въ коалиціи. И это послѣ трехмѣсячнаго „сотрудничества“, при все возрастающей разрухѣ, при все усиливающемся недовольствѣ и неудовлетворенности народныхъ массъ. Такая безотвѣтственная политика можетъ привести къ тому, что страна будетъ рада каждому, кто пообѣщаетъ ей избавленіе отъ „революціоннаго“ Временнаго Правительства! Первая попытка Корнилова окончилась пораженіемъ контръ-революціонныхъ „захватовъ“, но Корниловъ II уже будетъ имѣть большій успѣхъ. Вмѣсто того, чтобы отстаивать политику удовлетворенія народныхъ нуждъ и запросовъ, совѣтское большинство какъ-бы молчаливо провозгласило принципъ „свободы для свободы“, свободы *отъ* всѣхъ программъ и идеаловъ, свободы *къ* спокойствію и порядку. За такую кастрацію революціи эсъ-эры и меньшевики будутъ отвѣтственны передъ потомствомъ и исторіей. Но это нужно было буржуазіи для того же, чему служила и „коалиція“¹⁾: эта „политическая пустота“, созданная „воздержаніемъ“ демократіи, предоставила возможность буржуазіи пользоваться „коалиціей“, какъ техническимъ средствомъ, для осуществленія своихъ задачъ. А эти задачи были: продолженіе войны до побѣднаго конца и удержаніе соціального status quo съ урѣзываніемъ завоеванныхъ свободъ.

¹⁾ Кстати замѣтимъ, что у насъ даже „коалиціоннаго правительства“, въ истинномъ смыслѣ этого слова, не было. „Коалиція“ подразумѣваетъ и компромиссъ—собирательную волю, которую проводить въ жизнь. А этого-то у насъ и не было. Кадеты имѣли императивныя мандаты—не отступать отъ программы дѣйствій своего ц.-к. А амплитуда дѣйствій социалистовъ-министровъ не была ограничена, и имъ приходилось то-и-дѣло разъяснять свое усердствованіе въ „момми-воинерствѣ по буржуазнымъ дѣламъ“.

Прежде чѣмъ говорить о тѣхъ „лозунгахъ“ и средствахъ, черезъ посредство которыхъ демократія была завлечена въ плѣнъ къ буржуазіи, нельзя пройти мимо нашей „люксембургской комиссіи“, которая квартировала во дворцѣ Кшесинской и изъ-за которой было надѣлано такъ много шума. Я уже въ другомъ мѣстѣ провелъ параллель между нашей революціей и французской революціей 1848 года и предостерегалъ, что, слѣпо довѣряя „вождямъ“, можемъ очутиться у разбитаго корыта (ст. „Исторія предостерегаетъ“, „Рабочій“, июнь, Казань). Предостереженія уже оправдались. Какъ въ 1848 году, послѣ первыхъ трехъ „медовыхъ мѣсяцевъ“, послѣ всеобщихъ восторговъ, тюрьмы начали переполняться республиканцами, такъ у насъ въ нихъ сажаютъ социалистовъ. Исторія „повторяется“. Когда былъ низвергнутъ тронъ Луи-Филиппа, оказалось, что буржуазія и рабочіе „совершенно различно понимали идею демократической республики“. Для первой „она была предѣломъ, дальше котораго она не хотѣла итти“; для вторыхъ же и ихъ вождей она была „только первымъ шагомъ по пути социальной реформы“, „она немедленно должна была заняться социальными преобразованиями“ (см. „Парижскій рабочій парламентъ 1848 г. и его дѣятельность“, ст. В. Бутенко, „Русск. Бог.“, окт., 1909 г.). И вотъ была образована комиссія, во главѣ съ Луи Бланомъ, которая занялась въ Люксембургскомъ дворцѣ выработкой проектовъ реформъ. „На нее возлагали самыя широкія надежды республиканцы социалистическаго оттѣнка и парижскій пролетаріатъ, ее ненавидѣли всѣми силами своей души умѣренные республиканцы и реакціонеры“. И „ей всѣ историки эпохи приписываютъ громадное вліяніе на настроеніе парижскаго населенія“ (ibid.). „Реформы, предложенныя имъ (т. е. Видалемъ, авторомъ особаго проекта социальныхъ реформъ. Гр.), были прямымъ отвѣтомъ на требованія, поставленныя жизнью“. Нѣкоторыя изъ нихъ признавались даже „трехцвѣтными“ республиканцами, нѣкоторыя были осуществлены вскорѣ, но все-же „буржуазное общество могло отнестись къ нимъ только съ ненавистью“, называла ихъ „фантазіей праздношатающихся людей“ и „сумасбродствомъ“, и комиссія ея

и была похоронена. Временно такая же участь постигла революціонную демократію (безъ кавычекъ), органъ которой, Ц. К., засѣдалъ въ особнякѣ Кшесинской. И наши „большевики“ и интернаціоналисты, за которыми стояли и стоятъ и будутъ стоять не только революціонный Петербургъ, „Кронштадтская республика“ и Гельсингфорсъ, не трбовали невозможнаго и ненужнаго: всю власть совѣтамъ, передать землю народу, уставить контроль надъ промышленностью, измѣнить финансовый механизмъ, демократизировать армію, усиленно бороться за миръ—вотъ главное. Этого долженъ былъ требовать каждый соціалистъ, неизмѣнившій своему міровоззрѣнію или непродавшій своей души за „двадцать гривенъ“...

Понятно, буржуазія отъ этого приходила въ ярость и началась *травля*, безчестная и наглая, которая, кажется, только тогда прекратится, когда установится диктатура демократіи: травля и клеветаніе, а не идейная борьба. И не только буржразія продѣлывала это: ей вторили и эсъ-эры и меньшевики, а вмѣстѣ съ ними и каждый обыватель.

О проблемѣ организациі власти мы тоже говорили. И ясно: съ точки зрѣнія соціалиста и революціонера, она должна принадлежать народу, т. е. совѣтамъ. Временное Правительство имѣло тенденціи лѣвѣть, подъ непосредственнымъ давленіемъ кшесинцевъ и кронштадцевъ, и быть можетъ эволюціонировало бы въ соціалистическое министерство, если бы послѣ 3—5 іюля наши „оборонцы“ не предали и не выдали „большевиковъ“. Власть круто повернула вправо. Начались репрессіи, смертныя казни, аресты, закрытія газетъ и т. д. причемъ, производя эти спасительныя операціи „революціонные“ юнкера и казаки дѣйствовали несравненно безобразнѣй царскихъ жандармовъ. Не регистрація этихъ революціонныхъ звѣрствъ насъ интересуесть, но то, поскольку Временное Правительство было правомочно принимать репрессивныя мѣры, подавляющія волю нѣкоторыхъ соціальныхъ группъ. Нашъ категорическій отвѣтъ: нѣтъ, оно не имѣло на это права. Оно само *незаконное* правительство и правительство только регулирующее и руководящее (см. Эсмень, *op. cit.*, р. 21). Если народъ завоевалъ для себя неотъемлемыя

индивидуальныя права, какъ свободу слова, печати, собраній и т. д., никто, кромѣ его самого, не имѣлъ права ихъ ограничивать, т. е. это *могло бы сдѣлать* Учр. Собрание, имѣющее право говорить отъ новаго суверена—народа. Мы подчеркнули могло, ибо никто не можетъ имѣть права отнимать индивидуальныя права ¹⁾. Французская великая революція въ своей деклараціи признала право на возстаніе въ случаѣ нарушенія основныхъ правъ человека и гражданина или конституціи; да и нѣкоторыя конституціи признаютъ право на революцію. Когда же наше Временное Правительство, имѣющее право издавать только предложенія, долженствующія быть подтверждаемы большинствомъ тѣхъ, кто должны ихъ исполнять, начало разстрѣливать цѣлые полки, то оно было достойно чтобы его такъ же растоптали, какъ „царское величіе“! Тѣмъ болѣе, что это были мѣры только контръ-революціонныя: ихъ жаждала кучка монархическихъ генераловъ и крупная буржуазія. Но оно репрессіи растощала только по отношенію къ тѣмъ, кто критиковали ея дѣйствія, кто имѣли новую *правовую совѣсть*; да, совѣсть, ибо возстановленіе смертной казни, не говоря о томъ, что это и съ государственной точки зрѣнія мѣра нецѣлесообразная, абсолютно неприемлема съ точки зрѣнія этической ²⁾ Смертную казнь могутъ терпѣть только развращенныя въ своей совѣсти правительства имущихъ классовъ. Пра-

---

¹⁾ Здѣсь нелишне обратить вниманіе на то, что наше *большинство* „революціонной демократіи“ и павшее самодержавіе царя въ правовомъ отношеніи явленія одного порядка. Это большинство рабеки слѣдовало по пути указываемому *общественнымъ мнѣніемъ*, а это послѣднее дѣлалось *буржуазной прессой*. Мирабо общественное мнѣніе называлъ *самымъ абсолютнымъ тираномъ*. И дѣйствительно; большинство можетъ быть даже деспотичнѣе единичной личности, ибо ему (больш.) недоступны *интимныя чувства*, которыя въ жизни личности играютъ такую огромную роль. Къ сожалѣнію, и въ русской революціи доминировала слѣпая *воля* большинства, а не *право*. Но только утвержденіе права ведетъ къ свободѣ.

²⁾ Князь Мышкинъ въ „Идиотѣ“ произнесъ слова, вложенныя въ его уста Достоевскимъ: „Убіеніе по приговору несоразмѣрно ужаснѣе, чѣмъ убійство разбойничье“. Но что значить для „государственного ума“, если какой-то писатель будетъ его разбойникомъ считать? До сихъ поръ революція бережно относилась къ правамъ человека и гражданина, но Керенскій, ежеминутно выѣзжая на революціонности, доказалъ противное.

вительство Керенскаго ничѣмъ отъ нихъ и не отличалось... И, какъ и слѣдовало ожидать, такая политика кабинета, попирающаго всѣ человѣческія права, вырываетъ ему могилу: „большевистскіе“ идеи распространяются съ немовѣрной быстротой, и эта быстрота будетъ увеличиваться въ геометрической прогрессіи, ибо, когда вся жизнь повсюду оправдываетъ предостереженія „большевиковъ“, они пріобрѣтаютъ идеаль „мученичества“ и „святости“... Но объ этомъ послѣ. Теперь же запомнимъ, что нѣтъ государственно-правовой теоріи, которая правительства временныя считала бы законными и имѣющими право приказывать. Чтобы „присвоить“ такія права и юридически ихъ оправдать, необходимо Вр. Правительству слѣдовать по пути Маклакова: признать, что его власть октроирована Михаиломъ Александровичемъ. Но пока этого нѣтъ; и оно можетъ быть *только организаторомъ* (такой характеръ должна носить верховная власть каждаго правового государства), *только акушеромъ новаго строя*. Скажутъ: это будетъ всеобщій распадъ! Нѣтъ, народъ будетъ твердо стоять за правительство, идущее по пути удовлетворенія его нуждъ. И только такъ возможна твердая власть...

Самый же жгучій и самый важный вопросъ—это война и миръ. Только при „военной обстановкѣ“ мыслимо теперешнее плѣненіе демократіи буржуазіей: иначе говоря, преодоленіе интернаціонализма буржуазнымъ націонализмомъ—только, разумѣется, фактически, но не идейно. Буржуазный „заологическій націонализмъ“, который увлекаетъ собой обывательскіе массы, явленіе психическаго порядка. Постоянно раздуваемый всею буржуазной прессой и адептами ея науки, онъ создалъ атмосферу, въ которой слова „отечество“, „чужеземное нашествіе“ и т. п. пріобрѣтаютъ волшебную силу. И наше социалистическое большинство ими было поражено. Между тѣмъ, повсюду интернаціоналистовъ травили, какъ „измѣнниковъ“ и работающихъ на „чужія деньги“. Въ Россіи, Франціи, Англіи и Италіи обвиняли интернаціоналистовъ въ полученіи „нѣмецкихъ денегъ“; въ Германіи и Австріи—Либкнехта и Адлера—третировали, какъ продавшихся Россіи и Англіи. И „оборонцы“ все это одобряли! Исторія

же показываетъ, что имущіе только тогда патриотичны, когда они обладаютъ властью и командуютъ. Какъ только власть ускользаетъ изъ ихъ рукъ, они зовутъ на помощь себѣ чужеземныя войска, и такъ *измѣняютъ отечеству*¹⁾. Французскіе роялисты это продѣлывали нѣсколько разъ, австрійскіе Габсбурги тоже; фронтъ открывать намѣревались для усмиренія народа и наши монархисты, и единственная реальная сила, сулящая побѣду Корнилову, могла быть только Германія... Такъ отечествомъ демократія никогда не торговала! Лжепатриотизмъ буржуазіи есть только средство удержанія власти; для буржуазіи нѣтъ отечества внѣ ея корыстныхъ матеріальныхъ интересовъ и господствующаго положенія. „Патриотизмъ“ и „сидьная національная политика“—это статика и дичамика одного и того же явленія. Лишится она власти—сейчасъ спѣшитъ за „дружескимъ“ жандармомъ. И нашъ органъ „отечественныхъ“ промышленниковъ „Промышленность и Торговля“ уже во время революціи успѣлъ выявить свои сепаратныя стремленія къ „братанію“ съ германскими имперіалистами, ибо постановленія парижской экономической конференціи не особенно имъ кажутся выгодными. Значитъ, даже въ то время, когда всѣми мѣрами нужно поддержать идеальную настроенность обманываемаго народа воевать за отечество, они проболтались, что отечество и союзъ съ союзниками для защиты

---

1) „На столбцахъ „серьезной“ печати, кормящейся отъ щедротъ капитализма, который диктуетъ ей свои желанія и проводитъ при ея помощи свои планы, вы каждый день встрѣчаете самыя пламенные дифирамбы во славу „дорогого“ отечества и самыя искреннія проклятія по адресу „измѣнниковъ-интернационалистовъ“, подрывающихъ своей антимилитаристской пропагандой чувство любви къ роднѣй и національнаго достоинства. А жизнь предъявляетъ вамъ самыя доподлинныя факты трогательнаго единенія капиталистическихъ сердець и кошельковъ, не взирающихъ на цвѣтъ пограничныхъ столбовъ и взаимно помогающихъ нѣмецкимъ заводчикамъ лить пушки, которыя будутъ направлены на французскіе полки, французскимъ—изготавливать ядра для потопленія нѣмецкихъ кораблей, англійскимъ—готовить разрушительные снаряды для тѣхъ и другихъ, и, значить, всѣмъ вмѣстѣ предпринимателямъ ковать оружіе противъ своихъ же согражданъ и на горе своего же отечества“ (Н. Е. Кудринъ. Патриотизмъ культурной буржуазіи въ странѣ реванша. Обр., 1909).

цивилизациі только „постольку, поскольку“ это выгодно ихъ карману! Но на это наши „оборонцы“ вниманія не обращали! Ими, при словахъ „отечество“ и „врагъ“, овладѣвалъ ужасъ.¹⁾ Это отчасти атавистическое явленіе. Психическая наслѣдственность его передала намъ съ тѣхъ времянь, когда войны совершались съ цѣлью грабежа, когда племя порабощалось племенемъ. народъ народомъ. Въ настоящее же время всѣ культурныя государства употребляютъ одни и тѣже средства и приемы эксплуатаціи, такъ что пролетаріатъ, какъ носитель новаго міропорядка, долженъ во всеуслышаніи заявить: „*пролетаріатъ не знаетъ границъ*“, т. е. международныхъ границъ (слова представителя чернорабочихъ Кордье на Марсельскомъ конгрессѣ синдикалистовъ). На этой мысли слѣдуетъ остановиться.

√ 14-го марта Петроградскій Совѣтъ Р. и Солдатскихъ депутатовъ опубликовалъ свое воззваніемъ къ народамъ всего міра. Онъ призывалъ пролетаріатъ какъ союзныхъ, такъ враждебныхъ державъ свергнуть свои правительства и заключать миръ „безъ анексій и контрибуцій на основѣ самоопредѣленія народностей“. Если это возможно было бы осуществить, то это означало бы прелюдію социалистической революціи и тогда разговоры о самоопредѣленіи народовъ были бы излишними, ибо въ каждой социалистической программѣ-минимумъ это уже предусмотрено. Но это малость, ибо безправное положеніе неимущихъ слоевъ населенія—это явленіе, хотя и причинно не связанное съ первымъ, но во времени сопутствующее: если троны будутъ свергнуты, то освободятся и подавленные народности, и безправныя массы суверенныхъ націй. Но провозгласить принципъ „безъ анекссій и контрибуцій“ значитъ совершенно не учесть теперешнихъ отношеній капиталистическихъ государствъ. Съ такой формулой мира могутъ со-

---

¹⁾ Правъ Сорель: „Я думаю что именно легенды, порожденныя войными и революціями, оказываютъ на общественный разумъ наиболѣе мощное и въ то же время наиболѣе пагубное вліяніе. Эти легенды такъ сильно насъ захватываютъ что совершенно лишаютъ насъ свободы оцѣнки“. Это и случилось съ нашими „оборонцами“.

гласиться и наши Милюковы и Вильгельмъ II, что на дѣлѣ и случилось. Упорствуютъ лишь „союзники“—Франція, Англія и др.—въ чьихъ интересахъ погубить нашу революцію и быть владѣтелями подземныхъ богатствъ бассейновъ Сарры и Бриё и Эльзась-Лотарингіи; въ этомъ районѣ опасной границей считается естественная географическая поверхность и спасенія ждуть отъ поземелья... И это понятно. Съ тѣхъ поръ, какъ сидерургическая и военная промышленность начали играть въ „государственномъ хозяйствѣ“ главную роль, дипломаты руководятся въ установленіи границъ не земной поверхностью, а богатствами—углемъ и желѣзомъ—лежащими подъ нею. Съ формулой „безъ аннексій и контрибуцій“ потому могли соглашаться капиталистическія акулы, что главное, при современной фазѣ капитализма, не приобрѣтеніе территорій, а *торговые договоры, концессіи, финансовыя конвенціи* и т. п. Все дѣло въ нихъ. Предоставьте французскимъ капиталистамъ право на разработку Эльзась-Лотарингскихъ рудниковъ, и о реваншѣ не услышите ни слова, и они охотно подпишутъ совѣтскую формулу! Дальше: если бы народы свергли своихъ правителей, то установилась бы такая форма правленія, при которой всѣ упованія на реваншъ утеряли бы всякій смыслъ; значить и съ этой точки зрѣнія, требованіе мира безъ аннексій не оправдывается. Заключение мира безъ контрибуцій—тоже понятіе, неопредѣленное. Можетъ-ли концессія на разработку природныхъ богатствъ считаться контрибуціей, или тѣ или другія измѣненія таможенныхъ ставокъ? Будемъ думать, что такое содержаніе въ формулу не укладывается. Остается все-таки устройство разоренныхъ жителей общими усиліями всѣхъ воюющихъ государствъ; это требуетъ простая справедливость. И съ этой точки зрѣнія совѣтская формула недостаточна.

Но, можетъ быть, она, широко распропагандированная все-таки, приблизитъ миръ? Врядъ-ли. И мы думаемъ, что въ итогѣ получаютъ обратныя послѣдствія. Она уже дала основаніе англійскимъ заправиламъ заявить: выведите войска съ нашихъ территорій, тогда приступимъ къ мирнымъ переговорамъ. А наши доморощенные зубры умозаключили иначе: значить, врага нужно прогнать за

границу, а потомъ будемъ говорить о мирѣ—и готовили наступленіе. Хотя логика и не даетъ права строить такіе силлогизмы, но иногда логически неправильно добытый выводъ убѣдительнѣе, чѣмъ безупречная, съ этой стороны, фраза. Вопросъ объ участіи оккупированныхъ областей долженъ рѣшаться на мирной же конференціи, но какое дѣло до того тѣмъ, которымъ война даетъ сверхъ—и чудо прибыли! Они использовали *такъ* совѣтскую формулу, и это значитъ, что ею была фактически санкціонирована тенденція продолженія войны. И мы рѣшительно заявляемъ, что она только отдалила конецъ войны.

Совѣтская формула мира не можетъ служить и идеальнымъ условіемъ заключенія прочнаго и долгаго мира. Въ общемъ, на дѣлѣ, это было бы проведеніемъ принципа равновѣсія или „вооруженнаго мира“, который уже показалъ достаточно свою неспособность урегулировать междугосударственныя отношенія. Оппенгеймъ, въ своей „Системѣ международнаго права“ („System-des Völkerrechts“), пишетъ: „Система европейскаго политическаго равновѣсія не опиралась на какомъ-либо абсолютномъ принципѣ, и не имѣла опредѣленной цѣли; сущность ея состояла въ вѣчномъ колебаніи, взаимномъ самоуничтоженіи, въ безграничномъ вѣроломствѣ въ отношеніи къ перемѣнѣ союзовъ и къ нарушенію международныхъ договоровъ, такъ что она была тѣсно связана съ іезуитскими началами и съ принципами, такъ называемаго, „свѣтскаго макіавелизма“, по которымъ благая цѣль требуетъ и освящаетъ предосудительныя средства... Дворы и дипломатія подкладывали свои интересы подъ интересы народные, подобно яйцамъ кукушки“ (перев. нѣм. изд., стр. 31—33). И такъ, эта *systema des contrepoids* доказала свою несостоятельность. Но это, вмѣстѣ съ тѣмъ, и несостоятельность международнаго права, которое, въ сущности и вовсе правомъ нельзя называть. Уже Фенелонъ отмѣтилъ разницу между международнымъ правомъ, съ одной стороны, и правомъ, устанавливаемымъ суверенной властью внутри государства. „Существуютъ писанные законы и судебныя власти, имѣющіе своею задачей пресѣкать несправедливости между семьями, неравными по имуществу; не то происходитъ между государствами.

Чрезмѣрное увеличеніе одного государства можетъ повлечь за собой гибель и порабошеніе всѣхъ другихъ государствъ; *не существуетъ ни писанныхъ законовъ, ни судей, долженствующихъ служить преградой по отношенію къ вторженіямъ болѣе могущественнаго*. Какіе бы ни устанавливались международные договоры, историческій опытъ показываетъ, что они тотчасъ нарушаются, какъ только измѣняется соотношеніе реальныхъ силъ. За международнымъ правомъ нѣтъ силы, которая гарантировала бы его реализацію¹⁾. И когда наше Вр. Правительство 27-го марта опубликовало обращеніе къ народу, что война продолжается не съ цѣлью порабошенія народовъ, что въ будущемъ международные конфликты будутъ разрѣшаться третейскимъ судомъ, будутъ существовать трибуналы и т. д., то невольнo приходилось заключать: „еще не разу вѣрились“. Послѣ этого ту же вѣру не разъ мы встрѣчали въ резолюціяхъ заграничныхъ социалистовъ...

Мы же должны разъ навсегда запомнить: пока не будетъ окончательно осуществлено народовластіе, никакими договорами прочный миръ не установимъ. Согласно этому мы и оцѣниваемъ (не междугосударственную) политику Петроградскаго Совѣта. Его воззваніе отъ 14-го марта положительныя послѣдствія можетъ имѣть только въ своей отрицательной части, т. е. поскольку народы возьмутся за нарушеніе „гражданскаго мира“ и низверженіе правительствъ. Русская революція, несомнѣнно подняла настроеніе рабочихъ зап. Европы. Проведеніе тамъ въ жизнь „разрушительной“ части совѣтскаго воззванія, вмѣстѣ съ тѣмъ, будетъ величайшимъ созиданіемъ. Положительныя же предложенія, повторяемъ, абсолютно неприемлемы; они

¹⁾ На этой мысли особенно настаиваетъ Кетлэ въ своей— „Соціальной физикѣ“. О войнѣ тамъ онъ говоритъ: „мы уже начинаемъ смотрѣть на этотъ бичъ не какъ на необходимость, отъ которой мы никогда не избавимся, а какъ на зло, которое неизбежно при отсутствіи законовъ, регулирующихъ права народовъ, и при отсутствіи достаточной силы для обезпеченія исполненія этихъ законовъ“. Кстати: значеніе Кетлэ, какъ юриста теоретика далеко недооцѣнено. Къ нѣкоторымъ его положеніямъ въ новѣйшее время приходитъ социологическая школа права самостоятельно.

архаичны, соотвѣтствуютъ эпохѣ 50—70 г.г. прошлаго столѣтія.

Русская революціонная демократія должна была прежде всего заявить, что „пролетаріатъ не знаетъ границъ“ и сдѣлать изъ этого положенія всѣ выводы: немедленный миръ и глубокія внутреннія преобразованія. Прежде всего, демократизація всего управленія арміей, ибо только демократизированная армія будетъ послушна революціи. Совѣтъ долженъ былъ знать и то, что нелѣпо предлагать миръ и двинуть армію въ наступленіе. Это быть можетъ, германскіе товарищи называютъ международной провокаціей; и они правы. Борьбу за миръ, правда, русская демократія ведетъ въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Въ прошломъ году въ своемъ „Новомъ экономистѣ“ проф. Мигулинъ писалъ, что послѣ кроваваго кошмара Европа проснется во власти американскихъ миллиардеровъ. Это такъ. Что касается Россіи, то къ американскимъ миллиардерамъ добавимъ еще французскихъ и англійскихъ банкировъ. Положеніе даже болѣе угрожающее. Въ „Бирж. Вѣдомостяхъ“ отъ 12-го августа сообщалось, что въ Сибири „чѣмъ-то“ занимаютъ американскіе эксперты-спеціалисты; и уже установлено, что, въ случаѣ надобности, русскіе войска могутъ тамъ быть замѣнены японскими.

Если мы припомнимъ болѣе раннія сообщенія, что янки скупаютъ въ Сибири акціи разныхъ предпріятій и т. д., то спрашивается: не готовятся ли къ оккупации Сибири и къ усмиренію нашихъ рабочихъ? Симптоматично и то, что изданъ даже спеціальныи законъ объ исключительной защитѣ посольскихъ персонъ. Это все свидѣтельствуєтъ, что война для насъ сковала новую кабалу: мы закабалены у иностранныхъ „дружескихъ“ банкировъ. Но это не должно насъ смущать. Мы должны были отъ нихъ добиться признанія пересмирія и начала мирныхъ переговоровъ. Если прислушиваемся къ голосамъ правящихъ кликъ и тѣхъ, въ чьихъ интересахъ ведется война, то получаемъ впечатлѣніе, что они чужой кровью и на чужія средства готовы воевать будто вѣчно, но говорятъ: „до конца, до побѣды“. Погублено болѣе 30 милліоннвъ человѣческихъ жизней—почему? для чего? И это представляетъ собой такую производительную силу, которая

невозмѣстима человѣчеству ни золотомъ, ни установле-
 ніемъ какихъ угодно конституціонныхъ порядковъ. За все
 время этой страшной бойни трубили, что эта война осво-
 бодительная, и такъ создали поистинѣ новую миеологию.
 Но „освободители“ подѣлили уже Персію и усмирили
 Ирландію—во время этой болтовни. Освободительная вой-
 на, это миѣъ, который дѣйствительно лишалъ людей *сво-*
боды оцѣнки (Сорель). Продолжать миѣтворство, это без-
 смыслица, и бессмыслица говорить о побѣдѣ, когда „врагъ“
 сильнѣе насъ и технически, и морально, а число теперь
 рѣшающей роли не играетъ. Болѣе чѣмъ 25 лѣтъ тому
 назадъ Блюхъ въ своемъ капитальномъ трудѣ „Будущая
 война“ ете писалъ, что въ предполагаемомъ европейскомъ
 состязаніи государствъ не будетъ ни побѣдителей, ни по-
 бѣжденныхъ, а только одни побѣжденные, т. е. измучен-
 ные и истощенные народы. И это вдвойнѣ правильно въ
 отношеніи къ Россіи. Чѣмъ дольше война продолжается,
 тѣмъ больше разрушается народно-хозяйственный орга-
 низмъ и тѣмъ больше изнуряется самъ народъ. А это—
 прямая угроза *свободнымъ порядкамъ*, которые мы должны
 ставить *выше* всякихъ разсужденій о „безъ аннексій и
 контрибуцій“. Усталые и измученные будутъ индиффе-
 рентно относиться къ своему соціальному бытію. Если
 революція даетъ народу миръ, то ее никто не преодолѣетъ;
 если „корниловцы“, то это—худшій исходъ, хуже войны
 революціонной, наподобіе парижской коммуны, противъ
 Германіи, Японіи и Китая plus остальные союзники¹⁾.
 Послѣдняя перспектива и грозитъ нашей революціи: всѣ
„враги“ и „союзники“ будутъ готовы забыть все, лишь
бы уничтожить очагъ революціи... Въ этомъ никто не
 можетъ сомнѣваться, кто знакомъ съ исторіей и кто зна-
 етъ, что „конечная борьба“ произойдетъ между чернымъ
 и краснымъ интернаціоналами. Существованіе чернаго

¹⁾ Къ этому уже готовятся. Е. Димитріевъ телеграфируетъ изъ Пари-
 жа „Рѣчи“ 7-го сент. „Въ дипломатическихъ кругахъ изумлены полнымъ
 невѣжествомъ петроградскаго Совѣта р. и с. д., желающаго диктовать пра-
 вительству линію поведенія и требующаго немедленно предложить миръ“ и
 т. д. „Temps“ пишетъ, что въ предвидѣніи возможной постановки на оче-
 редь такихъ важныхъ проблемъ союзникамъ необходимо немедленно устроить
 междусоюзную конференцію и освѣдомить Вильсона“. Sepienli sof...

интернаціонала, интернаціонала капиталистовъ и юнкеровъ, это фактъ. Священный тройственный союзъ его первая форма. Разоблаченія Либкнехта о международныхъ провокаторахъ войны, пушечныхъ короляхъ всѣмъ должны были раскрыть глаза. Но мы думаемъ: лишь первый пушечный выстрѣлъ союзниковъ противъ арміи революціонной Россіи, каждый пролетарій міра почувствуетъ, что это по немъ стрѣляютъ, и тогда изъ гроба встанутъ Робеспьеры и Дантоны, чтобы до конца довести свое дѣло...

Итакъ, миръ *долженъ быть*. Въ стремленіи къ миру демократія не должна останавливаться ни передъ чѣмъ. Освободительная миѳологія уже обанкротилась. Теперь пугаютъ другимъ жупеломъ: сепаратнымъ миромъ. Источникъ этихъ страховъ—Парижъ и Лондонъ. А мы знаемъ, что не интересы цивилизаціи ихъ занимаютъ, а болѣе понятные интересы господства и кармана. Не отвѣтивъ на вопросъ прямо, заключать ли сепаратный миръ, поставимъ другой вопросъ: возможно ли сколько-нибудь рациональное дальнѣйшее веденіе войны, особенно со стороны Россіи? Въ этомъ отношеніи болѣе чѣмъ поучительны мысли (хотя и не прямо по вопросу высказанныя) бывшаго профессора Академіи Генеральнаго Штаба А. Витмера. Мы напередъ извиняемся за длинныя выписки изъ его статьи „Объ обязательной воинской повинности. Еретическія мысли фантазера“. („Русск. М.“, 1912).

„Сейчасъ, при огромной дальности огня, дойти безостановочно до встрѣчи съ непріателемъ нѣтъ ни малѣйшей возможности; точно такъ же, какъ нѣтъ возможности итти впередъ не только колоннами, но даже значительными группами. Приходится атаковать непріателя вразсыпную и притомъ перебѣжками, съ цѣлью пользоваться закрытіями, представляемыми мѣстностью, и достигать цѣли, такимъ образомъ мало-по-малу. Прежняя атака для того, чтобы пройти сферу огня требовала не болѣе пятнадцати минутъ времени. Теперь она продолжается часы, иногда дни. Естественно, что и люди для такой атаки требуются совсѣмъ другіе, чѣмъ для наступленій колоннами. Здѣсь *необходимо несравненно большее индивидуаль-*

ное развитіе, индивидуальная рѣшимость и самая тщательная подготовка. Но можемъ ли всего этого требовать отъ запаснаго, уже отвыкшаго отъ военного ремесла и оставившаго за собой семью, которая безъ него рискуетъ умереть голодной смертью? (Съ ратниками, значить, дѣло обстоитъ еще хуже. Гр.) Конечно, нѣтъ. И никто, конечно по совѣсти, не имѣетъ права упрекнуть (а Керенскій ихъ проклиналъ и разстрѣливалъ! Гр.) сорокалѣтняго и семейнаго бородача, если онъ, вмѣсто того, чтобы направить всю силу своей сообразительности и энергіи для достиженія столкновенія съ врагомъ, къ которому онъ не питаетъ ни малѣйшей злобы, если онъ просто заляжетъ въ какой-нибудь ямкѣ и для отвода глазъ прикинется, пожалуй, убитымъ¹⁾... „Да, въ сомкнутомъ строю на глазахъ начальника эти люди, быть можетъ, и не побѣжали бы, но съ увѣренностью можно сказать, что рассчитывать на успѣхъ современной атаки, требующей постепенности, упорства и твердаго желанія подойти вплотную къ противнику, съ людьми, плачущими о своихъ дѣтяхъ, — значитъ обманывать себя“. И даже Лордъ Солисбюри воскликнулъ однажды въ парламентѣ: „Да погибнетъ то государство, въ интересахъ котораго я долженъ послать на войну своего первенца, вопреки его желанія“. Мы добавимъ сейчасъ: „и погибнуть... чтобы возродиться въ силѣ и счастья“. Бывш. проф. Витмера, конечно, никто въ социализмъ обвинять не станетъ. Исходя изъ его мыслей, которымъ нельзя отказать ни въ человѣчности, ни въ глубокой разумности, можно притти только къ одному выводу: дальше воевать бессмысленно... нерационально...

Итакъ, миръ, хотя бы и сепаратный. Онъ несравненно лучше, даже съ грубо реалистической точки зрѣнія, продолженія войны, уничтоженія ни къ чему невозвратимыхъ, ничѣмъ не оцѣнимыхъ человѣческихъ жизней, которая каждая себѣ должна быть цѣлью... Миръ..., хотя и вопросъ о границахъ въ международномъ отношеніи щекотливый,

---

¹⁾ Это—одно лишнее разоблаченіе клеветы, что большевики расшатали армію. Травля „по этой статьѣ“, это срамъ, о которомъ нужно было бы поменьше говорить!

но если на нихъ смотрѣть подь угломъ зрѣнія нашихъ социалистическихъ цѣлей, то онѣ всегда имѣли только второстепенное значеніе, и чѣмъ ближе подвигаемая къ окончательному переустройству отношеній въ вертикальномъ разрѣзѣ, тѣмъ больше онѣ будутъ исчезать изъ поля нашего зрѣнія: наша борьба классовая, а не международная... И поэтому отнюдь мы не будемъ грѣшить передъ своимъ идеаломъ, отнюдь не нанесемъ ущерба нашей практической политикѣ, если пойдемъ навстрѣчу здоровому инстинкту самосохраненія націи“, который проявляется въ отказахъ служить, наступать и т. п. Пусть проклинаетъ эпоха самоспасающихся людей, пусть произносятся анафемы попы! Но и эти носители божеской идеи должны были знать, что всѣ почти святоотеческія писанія дышутъ отвращеніемъ къ войнѣ, а Тертуллианъ въ своемъ „De kogona militis“ рекомендуетъ прямо дезертирство!...

Какъ бы то ни было, но неизбежно одно: энергичная политика мира, т. е. борьба за миръ русской революціонной демократіей, обладающей высшей государственной властью, взволнуетъ весь старый политическій міръ, оголитъ политику имущихъ классовъ и обнаружитъ полную бессмысленность этой бойни ¹⁾. Это будетъ вызовъ буржуазному обществу и призывъ демократіи къ „великому послушанію“ и разрушенію. Собственно говоря, русской демократіи приходится выбирать: ринуться въ пасть „союзнаго“ капитала, или начать новую эру въ міровой исторіи и такъ исполнить свою, только въ другомъ смыслѣ и формѣ, провиденціальную роль, о которой мечтали славянофилы. Мы увѣрены, что логика вещей заставитъ Россію

---

¹⁾ „Съ фактомъ извѣстной усталости и съ чувствомъ нѣкоторой безцѣльности дальнѣйшаго веденія войны, конечно, уже считаются какъ политическіе дѣятели всѣхъ воюющихъ странъ, такъ и органы этого общественнаго мнѣнія въ лицѣ той печати, которой не чуждо чувство огромной ответственности передъ страной“. Такимъ языкомъ уже говоритъ передовица отъ 13-го сентября воинствующаго органа империалистовъ „Утра Россіи“. Это первыя ласточки отрезвленія. Но дальше тамъ же читаемъ: „На сторонѣ союзниковъ и теперь еще, несомнѣнно, имѣется огромное преимущество въ смыслѣ матеріальныхъ ресурсовъ и *человѣческаго матеріала*“. Съ какимъ преступнымъ легкомысліемъ пишутъ о *человѣческой жизни*. Какой цивилизованный цинизм!—

пойти по второму пути. Нѣтъ сомнѣнія, возникнутъ новыя охранительныя группировки державъ, но ихъ карты и планы будутъ спутаны воплотившимся въ реальность краснымъ призракомъ...

Эта энергичная борьба за миръ должна базировать на такой же социальной политикѣ. Истощаемая энергія массъ должна питаться все новыми и новыми завоеваніями, что возможно только постояннымъ углубленіемъ революціи, разрывая со всѣми буржуазными элементами. Если энергія массъ не найдетъ питанія, если требованія, которыя все будутъ возрастать, не будутъ удовлетворены, то такая политика станетъ невозможной: любовь массъ къ революціи измѣрится коэффициентомъ удовлетворенныхъ потребностей. Мѣропріятія социальнаго переустройства, прежде всего, должны коснуться только незначительнаго числа крупныхъ „денежныхъ феодаловъ“ и купцовъ и промышленниковъ. Удачное проведеніе ихъ—лучшая база дальнѣйшихъ операций. И, какъ уже было нами указано, эти реформы на первыхъ порахъ могутъ совершенно не затрагивать интересы мелкихъ буржуа. До сихъ поръ обобществленіе средствъ производства мыслили какъ уничтоженіе всѣхъ видовъ частной собственности, и этимъ и запуганы и пугаютъ мѣщанскіе слои населенія. Напрасные страхи, навѣянные повѣренными крупныхъ магнатовъ. Скорѣе всего: и мелкій, и средній буржуа вкусятъ плоды первой побѣды, прежде чѣмъ будетъ рѣшаться ихъ судьба. И намъ кажется, что даже первые плоды великой социальной побѣды окажутся такъ вкусными, что они сами сдадутъ свои позиціи: социализмъ для нихъ будетъ выгоднѣе, чѣмъ самостоятельность въ условіяхъ конкуренцій съ социализированнымъ производствомъ.

Подъ историческимъ угломъ зрѣнія.

Въ началѣ своихъ замѣтокъ мы уже сказали, что переходный характеръ эпохи казался бы, если бы даже не произошла русская революція. Эта послѣдняя только ускорила довершеніе процесса—обостреніе классовыхъ противорѣчій и классовой борьбы на Западѣ. Она въ образованіи социалистическаго общества сыграетъ такую же роль, какую сыграла и еще играетъ Японія въ созданіи капиталистическаго Востока. Побѣда Японіи надъ Россіей такъ же подняла духъ народовъ Азіи (самый яркій примѣръ, это національное движеніе въ Индіи), какъ паденіе русской монархіи духъ европейскаго пролетаріата. Надо полагать, что русская революція, углубляясь и расширяясь, создастъ охранительную группировку государствъ. Быть можетъ, уже зачатки ея налицо. Ибо чѣмъ объяснить выступленіе Китая противъ Германіи и одобреніе этого выступленія союзниками, когда знаемъ, что еще такъ недавно (до русской революціи) къ такому выступленію Россія, Японія и Америка относились крайне отрицательно? Вы уже чит. номеръ „Бир. Вѣд.“ отъ 12-го августа миссіи японской делегаціи въ Вашингтонѣ при дается чрезвычайное значеніе, но мы знаемъ, что Соединенные Штаты и Японія питали другъ къ другу только антипатіи, и это обуславливалось всѣмъ ходомъ хозяйственной эволюціи Востока. Нѣтъ ясности въ происходящихъ измѣненіяхъ, еще долго не все выкристаллизуется. Но уже теперь съ увѣренностью можно утверждать, что тамъ, на далекомъ Востокѣ, завязываются новые узлы, закладываются новыя базы, черезъ посредство которыхъ, быть можетъ, Новый Свѣтъ, американскіе промышленники и финансовыя короли, будутъ наносить удары возрождающемуся Старому Свѣту. Послѣдній—самый крупный

должникъ янки, и поэтому увѣковѣченіе существующихъ порядковъ (т. е. капиталистическихъ) въ немъ—основаніе международной политики американскаго капитала. Революціонное движеніе въ Европѣ его такъ же беспокоитъ, какъ у себя дома, гдѣ уже дѣйствуютъ драконовскіе законы противъ социалистовъ (напр. билль о шпионахъ). Янки прекрасно понимаютъ, что демократическая или (соціалистическая) Европа не будетъ платить по векселямъ и долговымъ обязательствамъ буржуазно-капиталистической Европы. Въ этомъ не помогутъ никакія теоріи о передачѣ и преемственности правъ и обязанностей. Принудить же силой Новую Европу платить безумно истраченныя Старой Европой суммы—невозможно; почти всѣ стратеги буржуазныхъ газетъ (особенно Шумскій въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“) въ моментъ разрыва дипломатическихъ сношеній между Соед. Штатами и Германіей признали, что единственно долларъ американскій будетъ имѣть реально-стратегическую значимость для борьбы на европейскомъ континентѣ, а не морскія или сухопутныя силы Заатлантики. Чѣмъ больше возрастаетъ заинтересованность Соед. Штатовъ въ Европѣ, тѣмъ необходимо располагать надежной защитой. Въ этихъ цѣляхъ они могутъ использовать только капиталистически и соціально неразвитаго Востока, особенно Китай, по отношенію къ которому они давно уже придерживаются политики „открытыхъ дверей“, зная, что при этомъ условіи въ общей теперешней конъюнктурѣ имъ достанется волчья доля отъ содранной съ Китая шкуры. Значитъ помимо даже грозящихъ въ Европѣ социальныхъ измѣненій, Соед. Штаты должны искать реальной защиты на Старомъ материкѣ, ибо капиталъ любитъ „порядокъ“ и „спокойствіе“. Боязнь „краснаго призрака“ опять-таки только ускоряетъ завязываніе новыхъ узловъ международныхъ связей.

Эта боязнь „краснаго призрака“ будетъ играть въ международныхъ отношеніяхъ все большую и большую роль. Не только феодальная, но и буржуазная аристократія спасенія будетъ искать въ „священномъ союзѣ“. Ищутъ уже (см. телегр. Димитріева „Рѣчи“). Проф. Карлъ Баллодъ, въ своей статьѣ, появившейся въ началѣ 1915 г., „высказываетъ тотъ взглядъ, что если война будетъ про-

должаться даже только одинъ годъ, *убытки воюющихъ странъ будутъ столь велики, что средствами капиталистическаго хозяйства будетъ вообще невозможно возстановить причиненныя ею потери*“. Значить, страхи имѣютъ реальное основаніе, если этотъ либеральный ученый обращаетъ свой взоръ на социалистическія „утопіи“. (Г. Экштейнъ — Война и будущее народнаго хозяйства, стр. 15—16).

Разобравъ различные либеральные проекты возстановленія и оздоровленія расшатаннаго войной народно-хозяйственнаго организма, Густавъ Экштейнъ въ только что указанной брошюрѣ говоритъ: „Сколько разъ до войны мы слышали даже отъ социалистовъ, что нашъ экономическій строй далеко еще не созрѣлъ для социализации, что капитализмъ еще не сыгралъ своей роли, еще далеко не выполнилъ своей исторической миссии, что техническія и организаціонныя предпосылки для будущаго строя далеко еще не имѣются налицо, и что господство пролетаріата неизбѣжно привело бы лишь къ краху. Событія послѣдняго года доказали обратное. Будь пролетарское правительство достаточно сильно, чтобы выступить такъ диктаторски, какъ нынѣ выступаетъ военная власть, тогда матеріальныя и организаціонныя предпосылки были бы налицо для созданія въ кратчайшій срокъ общественно-организованнаго хозяйства для удовлетворенія потребностей въ крупномъ масштабѣ“ (Ор. сіт., р. 9). „Размѣры предстоящихъ намъ задачъ должны расширить нашъ политическій кругозоръ. Тѣмъ болѣе властно выступаетъ требованіе руководствоваться въ нашемъ поведеніи не интересами и цѣлями минутными, преходящими и имѣющими значеніе лишь для одной какой-нибудь части пролетаріата, а интересами движенія въ цѣломъ и нашей конечной цѣлью. Экономическія предпосылки для осуществленія этой цѣли имѣются на лицо, какъ я это доказалъ; она изъ туманной дали прицвинулась на вполне досягаемое разстояніе“ (р. 48). Можно спорить съ авторомъ о доказанности возможности социализма; и будутъ спорить тѣ, кто думаетъ, что мы въведемъ въ государство социализма „со всѣми удобствами“. Но опять-таки несомнѣнно одно: „красный призракъ“ принимаетъ реальную плоть и съ нимъ не считается нельзя. Онъ намѣчаетъ даже новыя контуры

въ международной политикѣ и мѣры пресѣченія (отъ продвиженія влѣво) въ странѣ доллара и трѣстовъ...

Итакъ, что-то будетъ, къ чему-то готовятся. Парвусъ, въ своемъ трудѣ „Колоніальная политика и крушеніе капиталистическаго строя“, высказалъ мысль, что въ перспективѣ виднѣется борьба Соединенныхъ Штатовъ Европы съ Соед. Штатами Сѣверной Америки. Если это вообще возможно, то только въ формѣ борьбы социалистическихъ Штатовъ Европы съ капиталистическими штатами Америки. И это вѣроятно. Отнюдь, разумѣется, не обязательно что-бы борьба приняла форму военного столкновенія; она, быть можетъ, не выйдетъ изъ экономической сферы и примѣняемыхъ ею средствъ. Проф. М. Довнаръ-Запольскій въ предисловіи къ книгѣ Новаковскаго, „Панамскій каналъ и его міровое значеніе“ пишетъ: „Новый азіатско-американскій міръ займетъ доминирующее положеніе въ свѣтѣ, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ Японіи и теперь уже мечтаютъ о томъ, что ихъ флагъ вскорѣ появится въ гаваняхъ всего міра“. И дѣйствительно, прорытіе Панамскаго канала будетъ занесено на страницы міровой исторіи ХХ вѣка, какъ величайшее событіе. Самъ Новаковскій въ заключеніи своего обширнаго труда, между прочимъ, говоритъ: „Роль Панамскаго канала будетъ заключаться въ томъ, что онъ усилитъ ходъ общаго прогресса, усилитъ темпъ естественнаго развитія міровой жизни, приобщитъ Великій Океанъ и его миллионное населеніе къ общечеловѣческой цивилизаціи, посодѣйствуетъ великой Азіи сбросить съ себя оковы спячки и застоя... Но среди свѣтлыхъ и чрезвычайно важныхъ для человечества послѣдствій открытія Панамскаго канала имѣется и темное пятно. И этимъ темнымъ пятномъ является стремленіе американцевъ сдѣлать Панамскій каналъ орудіемъ своихъ агрессивныхъ, имперіалистическихъ стремленій, орудіемъ поработенія и полнаго подчиненія своей власти обширныхъ пространствъ Великаго океана. Если же разсмотрѣть современное между-народное положеніе канала, если проанализировать всѣ стремленія и чаянія американцевъ, если взглянуть на чудовищныя орудія и многочисленныя форты, охраняющіе доступъ къ Панамскому перешейку, то можно безъ преувеличенія сказать, что Панамскій ка-

наль—это кровожадная пасть агрессивнаго имперіализма Америки, оскаленная противъ сѣдого Востока Азіи, противъ странъ Тихаго океана (стр. 558). Здѣсь есть недомыслие и недосказанность: сѣдой Востокъ Азіи, вмѣстѣ съ тѣмъ, будетъ служить операціонной базой противъ возрождающейся Европы...

Панамскій каналъ и русская революція—явленія разнаго порядка. Но между ними можно провести больше чѣмъ аналогію, уясняющую ихъ историческій смыслъ и значеніе. Панамскій каналъ неимовѣрно ускоритъ аккумуляціонный процессъ американскаго капитала. Вырастетъ новый міръ его безграничнаго господства. Русская же революція долѣетъ больше *революціонной страсти и духа обобщенія* въ ту Европу, которая „показала удивительную неспособность къ социальному перевороту“ (Герценъ); она довершитъ консолидацію революціонно-соціалистическихъ силъ...

Будущность невозможно конкретизировать. Это, конечно, не исключаетъ обрисовки общихъ *тенденцій* развитія. Если теперь, когда ежедневно мѣняются декорации исторической драмы, нельзя говорить о тенденціяхъ, то: ясна устремленность творческаго духа человѣчества, который такъ долго томился въ тискахъ рабства. И онъ рискнетъ всѣмъ, чтобы пріобрѣсти свободу творчества:

Передъ крымской войной Герценъ писалъ: „деспотизмъ или социализмъ—выбора нѣтъ“. Мы счастливые его, намъ не приходится выбирать. Безуміе, до котораго, довела насъ власть копитала, показываетъ, что міръ долженъ быть перестроенъ *на новыхъ социалистическихъ* началахъ. Старый міръ—можете охватить мысленно всю его исторію—это міръ человѣческаго несчастья... Отречься отъ него нетрудно—отречься отъ войнъ, насилья, рабства преступленій. Разумѣется, это не будетъ актъ, а продолжительный процессъ, въ которомъ возможны разнообразныя случаи диффузіи элементовъ стараго и новаго міровъ. Самый важный—первый шагъ, и мы мыслимъ его неизбѣжнымъ. Это отнюдь не значитъ, что стихія будетъ торжествовать. Нѣтъ, творческая и рационализирующая воля достигнетъ высшаго напряженія.

Казанская Губернская Тюрьма,
2-го сентября 1917 г.

Опечатки.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
3	4 сверху	Раньше	Раньше
3	14 "	партіи	партіи
3	8 снизу	во вторыхъ	во вторыхъ,
3	5 "	еишь	силь .
4	13 "	Fegenstaud	Gegenstand
5	9 "	подверженнымъ	поверженнымъ
8	19 сверху	оно	она
9	2 "	естественныхъ	естественныхъ
9	9 "	на жизнь.	на жизнь,
9	4 снизу	Франціи	Франціи
9	22 сверху	оплодотворяется	оплодотворится
9	1 снизу	введеніе	въ веденіи
11	6 "	не дать	не дадутъ
12	6 сверху	Во Франціи	Во Франціи
15	1 "	начинается	начинаетъ
15	19 "	онъ	онъ
15	3 снизу	существеніе	существованіе
15	1 "	Несоразмѣрныя	Несоразмѣрное
16	2 сверху	капиталистическаго	капиталистическаго
16	11 снизу	корки	корни
18	10 "	концентрація	концентрація
23	19 сверху	народовластія	народовластіе
23	22 "	кадетъ	кадетовъ
27	2 снизу	называла	называло
28	4 сверху	интернаціоналисты	интернаціоналисты
32	5 снизу	войнами	войнами
32	5 сверху	передала	передана
32	7 "	племенемъ.	племенемъ,
32	9 "	тѣже	тѣ же
32	11 "	во всеуслышаніи	во всеуслышаніе
32	20 "	анексій	аннексій
32	8 снизу	аннексій	аннексій
7	13 сверху	смертныя	Инертная
4	7-8 "	какія государственныя и общественныя	какіе государственныя и общественныя
5	7 "	свободы	свободы
7	2 снизу	И-такъ	Итакъ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

СИБИРСКИЕ ОГНИ.

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

№ 2.

Май.

СИБИРСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА.

1922.

Доморошенная диалектика в борьбе за искусство.

Н. Н. Чужак — К диалектике искусства. От реализма до искусства, как одной из производственных форм. Теоретически полемические статьи. Чита 1921 г.

Одни и те же вопросы возникают в разных концах нашей необъятной страны. Это свидетельствует, что на лицо настоятельная потребность получить на них ответы, ясные и достаточно определенные, могущие служить максимумом для повседневной практики. Творчество новой жизни немислимо „на авось“ и „как нибудь“, без отчетливой перспективы. Огненный столб сознания, освещающий путь, должен ярко гореть в окружающей враждебной темноте.

Это ценно особенно теперь, при новом курсе нашей экономической политики, которая неминуемо, постепенно будет обростать пережиточными, в историческом смысле, формами сознания, чуждыми стремлениям рабочего класса. Возможно даже, что они расцветут пышной бахромой. По крайней мере, признаки такого явления уже сказываются в содержании различных „журналов“, посвященных вопросам искусства, и в репертуаре наших театров. В такой идеологической обстановке повышение интереса к теории квалифицируется, „как сим победишь“. В данном случае мы это относим к пониманию искусства и художественного творчества. Можно наперед сказать, не боясь оказаться неудачным пророком, что вопросы искусства займут очень видное место в наших стычках за коммунистическое миропонимание и за новую культуру.

Правда, борьба будет главным образом вестись в других областях—политической и экономической. Но в них очертания фактов и данные более очевидны и только нарочитая предвзятость их может истолковать в пользу врагов перестройки общества на коммунистических началах. Не то—область „высшей“ культуры, которая пленяет сознание самых различных общественных групп, особенно их верхушек, безраздельно господствуя над их психикой. Поэтому и наиболее веско звучал не окрик „социалисты—враги порядка“, а „социалисты—враги культуры“. Упомянем только Льва Толстого. „Основанное на стремлении к удобствам и всевозможным утонченностям культуры—пишет он социалистическое движение, само не замечая, роет себе яму и готовит гибель той самой культуре, во имя которой и открыто все это факельное шествие. Вожаки упустили из виду, что когда осуществляются их желания, и все машины и фабрики будут „экспропрированы“, и будет установлен коллективистический строй,—тогда только обнаружится, что эта гордая паровая электрическая культура должна будет рухнуть, и она распадется в два-три дня.—Самые основные работы, которыми поддерживается культура, не будет иметь работников.—Никто не пойдет добывать, например, каменный уголь... Придется отказаться от культуры или ввести кнут“... (Тенеремо—„Воспоминания о Н. Н. Толстом.)

Но не только это побуждает нас остановиться на вопросах об искусстве в постановке некоторых авторов. И до этого часто копья ломались в полемике против буржуазных идеологов и их влияния на мысль и чувства рабочего класса. Теперь чаще всего ставят вопрос в другой плоскости. Меньше их интересует борьба против враждебной пролетариату идеологии. Центр тяжести удара переносится на самую позицию диалектического материализма в вопросах искусства, где она подвергается критике и ревизии.

Даже целый ряд авторов-коммунистов пытается кое что пересмотреть в нашем подходе к вопросам искусства и нередко подвергают критике позицию партии, занятую ею по отношению к проблемам культуры. Из этого ряда авторов т. Чужак (Чита) является самым жестоким, ибо он усмотрел в конкретной политике Р. К. П. (б) признаки аракчеевщины. Это обстоятельство заставляет нас с особой внимательностью на этот раз остановиться на писаниях т. Чужака и подвергнуть анализу его книгу „К диалектике искусства“.

Его статьи в этой книге называются — „теоретически-полемическими“. Написаны они желчно и язвительно. Хотя никто печатно автора „не заметил“, он все же уверен в абсолютной своей правоте. В введении заявлено, что он продолжал и ныне продолжает оставаться на надежном, „правильном пути — единственно нужном пути к последним человеческим завершениям последнего в истории человеческого класса (курсив мой. Гр.). Что читинский автор думает о себе так в единственном числе, мы против этого спорить бы не стали. Но т. Чужак полагает, что такое его самомнение искупает все его грехи. „За это да простятся ему те или иные шереховатости, а может быть и целые эстетические грехи... еже вольная и невольная, еже ведением и неведением“. Это не совсем „по христиански“ за такое сотворение себе кумира из самого себя полагается сердечное глубокое покаяние. А тем более для марксистской критики такая аргументация не является обязательной.

Совершенно правильно полагая, что скромность — не добродетель, т. Чужак ставит себе по истине грандиозную задачу. Она автором формулирована так: „подведение культурной базы вообще под партию“ (3) или „подведение под пролетарское движение прочного культурного базиса“ (102). Письмо Центрального Комитета Р. К. П. о пролеткульте т. Чужак характеризует, как „паки и паки фельдфебельский окрик“ (110) и наше безкультурье. „Увы, ничего товарищи из Ц. К. вы не „добьетесь“, и система ваша в области культуры — только рык и угроза. Нет у вас культурной программы, товарищи, как вы не пишете. Крик же и рык — не программа.“ (101). Курсив автора. Гр.) Как встав в стороне тон и способ этого наскока на Ц. К., мы должны признать, что т. Чужак выносит смертельный приговор партии, как культурной силе. Смертный приговор подписан читинским судьей. Важность „события“ колоссальна. И поэтому мы спрашиваем грозного жреца правосудия: во имя чего, во имя какой культурной программы? Ответ гениально прост: во имя признания и утверждения футуризма. Футуризм есть объективно-приближенная реализация души класса работников на данном этапе его развития, и от субъективного осознания этого класса зависит его „признание“ (52). „Маяковский — это высочайший поэтический маяк великой социалистической революции российской“ (81), гениальный поэт Маяковский (91), — так пишет т. Чужак, а чем же гений — не программа? И это тот „единственно нужный путь“, о котором говорится в введении!

Каким образом достигнут такой результат? Т. Чужак отвечает: „диалектически-марксистским методом“. И этот метод „значительно облегчил ему“ (8) покончить одним взмахом со всеми вульгаризаторами марксизма (читайте: со всеми марксистами, предшествовавшими ему, Чужаку), и остаться в прекрасном одиночестве с гениальным Маяковским. В чем же заключается „диалектически-марксистский метод“ Чужака? Прежде всего в неведении вольная и невольная.

Чужак без всяких обиняков пишет: „Случайно или нет, но не имеется ни слова о культуре искусства и в нашей старой партийной программе, хотя там есть уже и некоторый общий философский базис, и рассуждения, напр., о

школе, о религии. Ни слова не внесли в эту программу (о культур-искусстве) и участники 8-го партийного съезда (18—23 марта 1919 года), хотя и переделали ту, старую программу в корне и—хотя и еще более детализировали пункты о школе, о религии, народном здравии. Если борьба с религией и ядом старой школы признавалась при этом товарищами делом „насуцным“, то ясно, что борьба с ядом культуры искусства (буржуазного), к числу занятий таковой *необходимости не относилась*. Точно также, видимо расценивали эту борьбу (и вытекающие из нее задачи культивирования своего искусства) и пресловутые комментаторы новой программы Р. К. П.—т. т. Бухарин и Преображенский,— авторы в достаточной мере вульгарной и непродуманной „Азбуки коммунизма“, самой популярной книжки на российском рынке (98. Курсив автора). Последняя часть цитаты приводится с целью показать, какая манера внутрипартийной и товарищеской полемики широко-культивируется высоко-культурным, чиницем. Прочитав эти изблечительные высказывания т. Чужака, каждый член партии Р. К. П. имеет полное право спросить: с каких пор незнание партийной программы является условием пребывания в партии? 12-й § программы в двух своих пунктах (7 и 10) говорит об искусстве в двух разных плоскостях. Остановимся на этом подробнее.

Российская коммунистическая партия, со дня Октябрьской революции, вышла из своей политической скорлупы, чтобы стать руководительницей жизни государства в целом. Она волей-неволей должна касаться всех областей многогранной жизни человека. Ибо (напомним еще раз), как совершенно правильно выразился Маркс: „Социальная революция потому находится на точке зрения целого, что она—даже если бы происходила лишь в одном фабричном округе—представляет протест человека против лишенной человеческого содержания жизни, что она исходит из точки зрения *отдельного действительного индивидуума*“. Критические примечания к ст. „Король Прусский и социальная реформа“. „Литер. наследие“, т. II, 1909 г., стр. 67.

В силу этого, пролетарское государство (диктатура пролетариата), осуществляющее социальную революцию, не может быть индифферентным к человеческой потребности в искусстве, которая старыми государственными системами рассматривалась, как частное дело каждого гражданина:—частное дело стало делом государственным.

И господствующая в пролетарском государстве коммунистическая партия вопросу об искусстве в своей программе псвятила два пункта 12-го §. В 10-м пункте сказано: „*необходимо открыть и сделать доступными для трудящихся все сокровища искусства, созданные на основе эксплуатации их труда и находившиеся до сих пор в исключительном распоряжении эксплуататоров*“.

Немного, но много. Во первых, в этом пункте намечен определенный методологический подход к искусству прошлого. Прошлое нам передает ценности, которые, несмотря на то, что произведены на „хрустении костей“ немущих масс, для нас приемлемы и необходимы. Недаром, *по инициативе Ленина*, Совет Народных Комиссаров постановил соорудить несколько десятков памятником крупнейшим общественным деятелям прошлого, а также всем новаторам в области литературы, искусства и науки, среди которых находим Байрона, Гюго, Ибсена, Достоевского, Тютчева, Мусоргского, Скрябина и Шопена (см. Керженцева—„Культура и Советская власть“, 1919 г., стр. 30-31).

Во вторых, в этом пункте установлена ценность искусства вообще („сокровища искусства“). Почти каждое произведение искусства, так или иначе, при известном усилии, можно свести к определенному общественному базису, что не всегда равнозначуще вульгарному утверждению, будто бы каждое произведение искусства *насквозь* пропитано определенным классовым содержанием. Материалистическое (марксистское) понимание истории отнюдь не означает непременной раскладки всех фактов и всех явлений по классовым полочкам. Это относимо и к творениям человеческого гения в области искусства. В ней бра-вурно легкое наклеивание классовых ярлычков может привести к печальным результатам. Это великолепно понимал еще Плеханов, когда писал: „конечно,

мы никогда не сумеем объяснить влиянием среды всю индивидуальность гения". (См. „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю“, 1920 год, 5 е издание, стр. 184—185). А когда мы так часто слышим о вреде или пользе искусства для рабочего класса, не следует забывать меткого замечания Карла Маркса: „если в применении к человеку мы будем каждое человеческое действие, движение, отношение и т. д. рассматривать с точки зрения принципа пользы, то прежде всего нужно рассмотреть человеческую природу вообще, а затем человеческую природу, различную в каждую историческую эпоху“ („Капитал“, т. I, прим. 73 к 7-му отд., изд. под ред. Каутского). Так знаменательные программные слова „сокровища искусства“ перекидывают мост к индивидуальности и человеческой природе вообще в марксистском понимании истории.

Значит, бия в груд, без „передышки“ произносить тавтологическую тройцу „диалектически марксистский метод“ ни в какой степени не свидетельствует о непогрешимости сего попа из марксистского прихода. Для составления суждения о том или другом конкретном факте или явлении необходимо его всесторонне изучить и, таким образом, вскрыть его диалектическое состояние или становление.

Смысл 7-го пункта 12 го параграфа более ясен и понятен. „Всесторонняя государственная помощь самообразованию и саморазвитию рабочих и крестьян (создание сети учреждений внешкольного образования: библиотек, школ для взрослых, народных домов и университетов, курсов, лекций, кинематографов, студий и т. п.)“. А кто же у нас не знает, что студии являются исключительно институтами искусств? Если в 10 м пункте изложено отношение партии к старому искусству, то в 7-м намечена целая программа способствования возникновению нового искусства. Можно спорить против такой постановки двух кардинальнейших вопросов культуры, но зачем же отрицать факты?

Далее, „диалектически-марксистский метод“ Чужака осуществляется и в неведении невольная. Это сказывается в понимании диалектики вообще. Слово имеет читинский диалектик. „Мы, диалектики, не должны забывать двух положений: 1. Всякое явление в процессе своего развития таит в себе противоречие, свое же собственное отрицание, противоположность. 2. Поскольку мы в самом процессе разрушения явления сумеем выявить его непримиримую противоположность (антитезу), ровно постольку наше отрицание есть проросль в отделенное. Из первого положения вытекают следующие выводы: нет ничего абсолютного нового. Всякое новое в скрытом виде зреет в старом, и выявление, раскрепощение этого нового—в области искусства, в области науки и социального строительства—есть минимум творчества. Взять всякое явление в его внутреннем (имманентном) развитии,—взять не так, как оно есть, а как должно быть по смыслу своей собственной антитезы—иного нет пути для создания. (4).

Чтобы вскрыть ценность „единственно нужной“ диалектики, мы остановимся только на двух, нами подчеркнутых, „положениях“. „Непримиримая противоположность“ (антитеза) диалектического процесса! Это остритие Чужака сразу ставит крест над всей диалектикой в целом. Ибо весь смысл, вся прибыльность диалектического движения и заключается в примирении противоположностей,—в синтезе. Вне этого примирения немисливо развитие, рост, а также невозможна теория исторического прогресса. Лучший знаток философии Гегеля, проф. И. А. Ильин *), пишет: «логическое „противоречие“ не есть обесценивающий порок, но *достигание*, повышающее истинность понятия. Правда, это достижение еще не окончательное, не завершенное; высшее достижение состоит в устранении и преодолении противоречия; оно имеет не раздвоенную форму, а воссоединенную и примиренную»; „Гегель считает логическое „противоречие“ философски необходимым состоянием всякого понятия; и всякое такое „противоречие“ он считает по существу *подающимся к примирению*. На этом строится вся диалектика и вне этого она оказалась бы невозможной“; „спекулятивное взаимоз-

*) Его монография о Гегеле—лучшая в мировой философской литературе. Поэтому мы со спокойной совестью можем обойтись без цитирования „Науки логики“ и „Феноменологии духа“, написанных крайне трудным для понимания языком.

отрицание есть уже начавшийся процесс совмещения" („Философия Гегеля, как учение о конкретности Бога и человека“, 1918 г., стр. 127, 128 и 132). И не просто противоречия примиряются, а в итоге получается некоторый *прибыльный рост*. „Диалектический процесс оказывается *прогрессивным развитием и восхождением*“ (Ильин, 139).

Точно так же диалектику Гегеля понимали основоположники научного социализма Маркс и Энгельс. Энгельс главу о диалектике в своем „Анти Дюринге“ начинает следующей выпиской из Энциклопедии Гегеля. „Первое и важнейшее положение о логических основных свойствах бытия касается *исключения противоречия*. Противоречие, это-категория, которая может принадлежать только мысленной комбинации, но никак не действительности. В самых вещах нет противоречия, или, другими словами, противоречие, представленное реальным, само является *погеем бессмыслия*“... (118 цит. из плохого перевода 1906 г., изд. Яковенко. См. § 379 „Философия духа“, пер. Чиждова, 1864 г.). Далее, Энгельс для уразумения роста в примирении противоречий пользуется примером Гегеля же из 379 го § „Философии духа“. „Возьмем, наприм., ячменное зерно. Биллионы таких зерен размалываются, развариваются, идут на приготовление пива, а затем потребляются. Но если одно такое ячменное зерно найдет нормальные для себя условия, если попадет на благоприятную почву, то под влиянием теплоты и влажности с ним произойдет изменение, оно даст росток, зерно, как таковое, исчезает, отрицается; на место его появляется выросшее из него растение, отрицание зерна. Но как нормальный круговорот жизни этого растения? Оно растет, цветет, оплодотворяется и, наконец, производит вновь ячменные зерна, и как только последние созревают, стебель отмирает, отрицается в свою очередь. Как результат этого отрицания, мы здесь имеем снова первоначальное зерно, но не одно, а сам-десять, сам-двадцать или тридцать“ (139).

Такова сущность диалектического процесса. Чужаку же почему то понадобилось создать „непримиримые противоречия“, а потом совершить прямо-таки „чудо“: оторваться от них и впрыгнуть в отдаленное. Как знать: быть может, так должно быть. „Курочка бычка родила, поросенок яичко нес“. Все эти чудеса достойно увенчаны „единственно нужного“ пути спасения. Соответствующие строки манифеста так замечательны, что приведем их вторично: „*Взять всякое явление в его внутреннем (имманентном) развитии,—взять не так, как оно есть, а как должно быть по смыслу своей собственной активности—иного же нет пути для созидания*“ (курсив мой. Гр.). А если Энгельс скажет, что „для меня речь шла не о том, чтобы применять к природе диалектические законы, но чтобы в ней их отыскать и из нее их вывести“,—Чужак упорно будет стоять на своем „единственно нужном и должном“ пути. Для умного достаточно. Марксизм именно берет вещи и явления так, как они суть ибо ясно, что, если мы будем брать явление таким, как он должно быть, то в действительности, конкретно, ничего не возьмем: нельзя взять насущное, т. е. должное. Но т. Чужак целиком поглощен этим занятием. По его „диалектически-марксистскому“, методу „курочка бычка рождает, поросенок яичко несет“.

В этом месте мы не можем пройти мимо того, что пишет Г. В. Плеханов по поводу эстетики Чернышевского. „Новый класс выдвигает своих художников, которые, в борьбе со старой школой, апеллируют к жизни, выступают как реалисты. Но жизнь, к которой они апеллируют, есть „хорошая жизнь, как она должна быть“... согласно понятиям нового класса. А эта жизнь еще не совсем сложилась: ведь новый класс только еще стремится к своему освобождению, она в значительной степени сама остается еще *идеалом*. Поэтому и искусство, созданное представителями нового класса, будет представлять собой, своеобразную смесь реализма с идеализмом“. А об искусстве, представляющем такую смесь, нельзя сказать, что оно стремится к воспроизведению прекрасного, существующего в действительности. Нет, художники такого рода не удовлетворяются и не могут удовлетворяться действительностью; им, как и всему представляемому ими классу, хочется частью *передать*, а частью *дополнить* ее сообразно своему *идеалу*“ („За двадцать лет“, 1909 г. стр. 299. Курсив Плеханова)

Как будто это на руку Чужаку и противоречит тому, что утверждаем мы. Ясно, что художник может изображать не только реальное сущее, но и идеальное-мыслимое, т. е. идеал, как реально-сущее его сознания и ф. игазии. Но в таком случае это не имеет никакого отношения к методу научного познания, что составляет предмет наших суждений. К тому же, Плеханов, употребляя рядом термины „реализм“ и „идеализм“, употребляет их в разных плоскостях: реализм, как обозначение художественной школы, а идеализм—в социально-этическом смысле, т. е. так же, как Каутский употребляет термин „этический идеализм“ (См. „Этика и исторический материализм“.)

Подходить к каждому конкретному явлению с марксистским методом в картине значит приурочивать к нему свои собственные измышления, которые не имеют никакой основательной ценности. Несмотря на то, что наука на каждом шагу подтверждала и подтверждает, что процесс развития совершается диалектически, нам каждое явление приходится всесторонне изучать, исследовать, чтобы узнать, как оно развивается, каковы его характер и содержание. Ибо диалектика „есть не метод способ“, но *метод жизни*, метод осуществление. Диалектикой следует называть сразу *путь* движения, и *само это движение*, и *то, что движется* этим движением по этому пути» (Ильин, 122). Только узнав, установив все это упорным изучением явления, мы получим представление о том, как оно осуществляется. И только таким путем полученное знание действительно истинно и может иметь практическую ценность. Отсюда понятно, что марксистский метод исследования-брать вещи и явления в их *конкретном установлении*—не дает ничего „даром“, только за веру в него, кроме тех случаев, когда пользующиеся им „попадают в положение, при котором“ „курочка бычка рождает“ что можно отнести к т. Чужаку.

Но это еще не все: именно цветочки-то впереди. Т. Чужак специализируется не на философии, но на искусстве, особенно искусстве слова. Быть может, неведение невольная в области философии объясняется тем, что в программе нашей (а также, его, Чужака) партии имеется уже „общий философский базис“, и зачем, в таком случае, изучать всем известные трюизмы. Об искусстве же в ней „не имеется ни слова“, а поэтому есть где и чем блеснуть. Не иначе, а так т. Чужак и понял свою задачу. „К какому бы вопросу в области марксистской эстетики вы ни подошли, везде и всюду, если не считать груды несообразниц, написанных вульгаризаторами марксизма с плеча вы наткнетесь на полное *tabula rasa*: приходи и начинай сначала! „ И пришел он, Чужак, и начал сначала.

Размахнулся и дорога очищена. Фриче, Коган, Львов-Рогачевский, Кранифельд, Тальников, Богданов и т. д.—все они только вульгаризаторы марксизма и опростители искусства. „Литераторы марксисты (Г. В. Плеханов, Андреевич-Соловьев и др.) еще в 90-х годах минувшего столетия, параллельно с развитием классового самосознания пролетариата и попытками последнего заявить публично о своем пришествии, пытались подойти к искусству с марксистской критикой, но весь марксизм их сводился к точному, безоговорочно-непосредственному *перенесению экономических положений материализма в область интимнейшей из идеологических „надстроек“,—художества*“ (96. Курсив мой Гр.) Опять неправда, опять неведение вольная. У кого если не у Плеханова, мы, теперешнее поколение марксистов, учились не злоупотреблять экономическим объяснением явлений „надстройки“. Кто, если не он, на каждом шагу призывал нас изучать общественную *психику* прежде, чем приступить к познанию проявления идеологии в искусстве. Уже выше мы выписали из „к вопросу о развитии монистического взгляда на историю“ следующую цитату: „конечно, мы никогда не сумеем объяснить влиянием среды всю индивидуальность гения“ (стр. 184). А „Основные вопросы марксизма“? Ясная и сжатая формулировка: „если бы мы захотели кратко выразить взгляд Маркса-Энгельса на отношение знаменитого теперь „основания“ к не менее знаменитой „надстройке“, то у нас получилось бы вот что: 1) *состояние производительных сил*; 2) *обусловленные им экономические отношения*; 3) *социально политический строй*, выросший на данной экономической

„основе“, 4) определяемая частью непосредственно эстетикой, а частью всем выросшим на ней социально-политическим строем, *психика общественного человека* 5) различные идеологии, отражающие в себе свойства этой психики (стр. 49, изд. 1920 г.)

Значит, т. Чужак предлагает нам товар собственного производства, или— Соловьевский со своей отделкой. И, само собой понятно, с „диалектистическим соусом“. В данном случае— с несколько неожиданным аксессуаром: с цитатами из предисловия Маркса ко 2-му изданию 1-го тома „Капитала“ о различии между мистической и рациональной диалектикой. Смысл ее таков: рациональная диалектика „всякую осуществленную форму созерцает в ее движении, а стало быть, как нечто проходящее“. По совершенно непонятным для нас причинам усердный „марксист“ объявляет эту цитату „целым эстетическим манифестом“— как бы только для того, чтобы строчкой ниже, глазом даже не моргнув, вернуться к мистической диалектике („Поэзия есть правда, но правда будущего. И с точки зрения марксистской, это совершенно правильно“), а потом упасть в объятия догматика и метафизика Владимира Соловьева, выразившего якобы „первую сущность диалектики“. Последнее сказалось в его взгляде на искусство, как на „ощутительное изображение“ предмета или явления „с точки зрения его окончательного состояния, или в свете будущего мира“. Такое „понятие о творчестве становится приемлемым и для марксиста“, заключает тов. Чужак. Пройден совершенно естественный путь: изобретатель „непримиримых противоречий“ диалектики успокоился на *догматико-идеалистическом определении художественного творчества*.

Теперь о „Рациональной сущности“. То есть: здесь мы должны увидеть самую настоящую диалектику, „единственно нужную“. Оказывается, что „сущность рациональная в отношении искусства наиболее глубоко развита отнюдь не тем или иным из признанных марксистов, а типичным реалистом в науке и критике, французским философом М. Гюйо“ (26). Доказательства суть „Искусство, говорит Гюйо, это синтез, посредством которого стараются перестроить для ума какую нибудь действительность, переделать частичный мир“; „гению *тесен реальный мир... Поэтому гений стремится непрерывно превзойти действительность*.“ Так что же: всем известен взгляд, что движущим началом истории является герой. Недоумение рассеивает т. Чужак: „Переведите на диалектический язык и вы получите: стремится непрерывно развивать антитезу „реальности“. И так все. Вот вам образчик того, какие чудеса можно производить на белый свет диалектическим методом читинского культуроборца.

В дальнейшем марксистская эстетика Чужака останавливается на вопросе о *содержании и форме*. „Раз всякая действительность таит в себе неуловимые противоречия, то ясно, что *отображение любого клочка этой действительности в счете будущего есть, с пролетарской точки зрения, творчество*“. Опять та же знакомая уже нам, идеалистическая болтовня. И больше ничего: так исчерпан вопрос о содержании в теории искусства. Нам остается только констатировать, что автор совершенно незнаком с тем, как ставит вопрос о содержании наука об искусстве. Для его диалектического понимания не существует различий между содержанием, сюжетом, темой и материалом.

С формой дело обстоит не лучше, если не хуже. „Диалектический материализм оценивает форму в непосредственной связи с содержанием: *с определенное содержание х у д о ж е с т в а требует и определенной формы*“ (28). Устроим прежде всего путаницу. Если мы имеем перед собой искусство, значит, имеется и форма. Никакое содержание искусства формы не требует: она дана.

В другом месте эта же самая, кажется, мысль выражена несколько иначе. „Нам все равно, как будет называться эта мало выявленная пока в поэзии эстетика— *понятие о прекрасном*“. Но мы знаем— так свидетельствует нам эстетика— наука,— что покоиться это понятие должно на принципе диалектическом,— едином неизменном принципе всякой эстетики:— *зависимости формы от содержания, не разрываемом единстве образа и внешнего, формального, его вопло-*

щения" (41. Курсив автора. Гр.) Отбросив опять путаницу—во всяком случае, образ не есть содержание, так же, как и форма не есть стиль („форма,— т. е. стиль“, 28),—мы получаем два, ничем не связанных, утверждения: 1) эстетика, по разумению Чужака, зиждется на понятии о прекрасном, или равна ему, и 2) это понятие прекрасного покоится на одном принципе всякой эстетики зависимости формы от содержания. Следовательно, эстетика на понятии, понятие на принципе, а принцип сам является сущностью эстетики. Таким образом эстетику он строит на понятии о прекрасном в то время, когда воскрешать ее из мертвых не возьмется самый несправимый идеалист. А догматическое суждение о „едином“ и „неизменном“ принципе эстетики-зависимости формы от содержания—объявляется принципом диалектическим.

Чтобы еще нагляднее представить, к чему может прийти запутавшаяся в идеалистической догматике и метафизике голова, мы несколько задержимся на последнем вопросе. Взаимоотношение формы и содержания издревле интересует философскую мысль. Нельзя только сказать, чтобы решения носили сколько-нибудь общепризнанный характер. Точно такая же участь его в эстетике. Тем не менее, он все же в последнее время разработан в такой степени, что суждения, подобные суждениям Чужака, являются невозможными. Что в художественном произведении (в эстетическом объекте) содержание и форма находятся в той или другой связи, против этого редко кто возражает. Но утверждать, что „определенное содержание требует определенной формы“, да еще объявить это „единым“ и неизменным „принципом эстетики“, никто, кроме „Чужака“, не осмелится.

В общем и целом, современная эстетика (Кроче; Шлецер) констатирует, что между формой и содержанием существует некая связь. Сколько бы ни старались установить законы этой связи—а таких попыток было не мало,—успешных результатов ждать нельзя. Ибо вопрос о связи формы и содержания, взятый отвлеченно, является только объектом схоластических упражнений различного толка метафизиков. Для марксистской же эстетики этот вопрос имеет только конкретную значимость, в отношении *данного* эстетического объекта, *данного* художественного произведения. Подвергая последние анализу, марксист в первую очередь установит, если это только возможно, их общественно психологический и идеологический эквиваленты. Это—единственный путь правильного подхода к решению вопроса о *взаимоотношениях* содержания и формы, *характера* этих отношений и о *степени их участия* в образовании *данного* художественного произведения, *данного* эстетического объекта. Желание добиться большого эффекта в этой области обрекает каждого на бесплодное схоластическое фокусничанье, теоретически и практически равное нулю. Собственно говоря, оставаясь на почве диалектического материализма, общетеоретическое знание не может пойти дальше плехановских утверждений: „Вообще говоря, форма тесно связана с содержанием. Правда, бывают эпохи, когда она отделяется от него в более или менее сильной степени. Это исключительные эпохи“ (Ист. р. общ. мысли, т. III, стр. 7). Но это дает нам так же мало, как утверждение, что *развитие совершается по гегелевской триаде*.

После всего того, что нами обнаружено в анализе основных положений „К диалектике искусства“, следовать дальше за автором мы не обнаруживаем никакого желания, несмотря на то, что в введении автор уверяет нас, что некоторые вопросы им ставятся „еще впервые“. Его „самотворческое“ восприятие марксистской диалектики достаточно ярко говорит авансом о том, каково его собственное творчество. Мы просто поражены тем, что так мало развито чувство ответственности, за то, что, говорит и делает такой старый партийный товарищ („семнадцать лет одной только партийной работы, не считая уже изобильно-многолетнего опыта журналиста“, введение). Это порой доходит до *неоправданно-смелого* обращения с материалом и фактами. Трудно верить, что старый, 17-ти летний практик-партиец может написать, напр., такие строки: „до смешного мало новых, молодых, из революции (как некая богиня из пены), вышедших революционеров (мы говорим о видных), наряду с засильем, если

здесь уместно это слово, старый заграничник 1900—1904 годов, старых профессионалов революционного подполья, для которых делание революции, уже не творчество, а ремесло. Ну, эти, правда—люди с теоретическим багажем, не говоря уже об единицах, намечающих стежки идеологии. Но что можно сказать о „среднем поколении“, их выучениках, принявших партийное крещение в эмигрантских „столовах“ и начавших не с евангелия научно-буржуазной дисциплины (первый этап) и не с Маркса-Энгельса (второй этап), а прямо с брошюрки о III партийном съезде и летописи о том, кто кого обмошенничал (см. стр. 74. Подчеркн. мною Гр.)*). Если фракционные разногласия в голозе Чужака отражаются, как мошенничество, то это нагляднейшее доказательство, какой-ва ценность изобретенного им метода исследования. Это подтверждается и его слепотой в отношении работников, созданных революцией. А если к этому добавим, что футуризм возводится в высшее проявление революции (даже, как ее предвосхищение) и Маяковский в гении и „высочайший поэтический (!) маяк великой социал.стической революции российской“, то мы, не боясь слов, должны сказать, что в лице читинского культуру-борца имеем дело с попыткой внутри партии создать ревизионное течение в вопросах культуры и искусства

КАРЛ ГРАСИС.

* По всей вероятности, почтенный партийный старец и тут путает. III съезд партии (1905 г.) прошел, если так можно выразиться, спокойно; на нем участвовали только большевики. Меньшевики же в это время заседали на своей первой общерусской конференции. Мы, поэтому, предполагаем, что автор имел в виду II съезд, на котором образовались „большинство“ и „меньшинство“ (1903 г.).